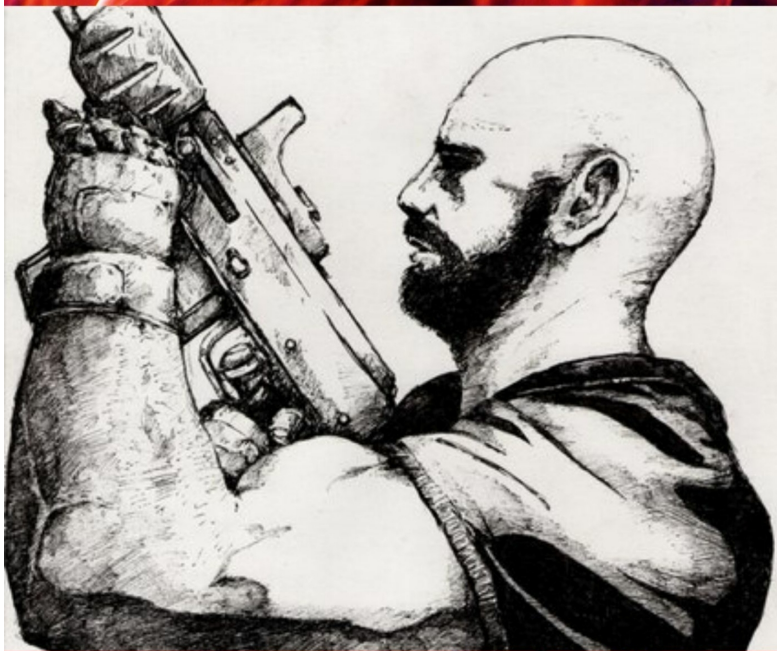

МАНАСЫПОВ

ЧИСТИЛЬЩИКИ ПУСТОШЕЙ-2 СТЕПЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

Чистильщики

пустошей-2: Степь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55746786

SelfPub; 2020

Аннотация

Енот, молодой боец отряда Капитана, выживший в боине родного города, находит свою новую семью среди побратимов и сестер по оружию. Но для нового задания, где рядом не окажется дружеского плеча, ему придется перестать быть чистильщиком, превратившись в наемника и ища тайный город самых страшных противников для остатков мирной жизни. И уйти вглубь Великой Степи. Жара, травяное море, земля, пропитавшаяся кровью, враги и друзья, меняющиеся местами, тайны, загадки и прошлое, вдруг ставшее настоящим. Без права проиграть, умереть, но выполнить приказ. Ничего больше. Примечания автора: Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление:	4
Глава первая: день, зной, охота в степи и душевная боль	8
Глава вторая: ночь, некто, большой и опасный, а также странный разговор	43
Глава третья: сборы, начало пути и бешеные индюки	70
Лирическое отступление-1: что посеешь...	97
Глава четвертая: цивилизация, споры о вечном и Семерка	115
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Вступление:

Удар ножом пришелся слева. Странно, если вышло бы иначе. Мужик, здоровый лось в тесном, с чужого плеча, мундире внутренней Стражи, правша. Умелый профи, явно дезертир из пехтуры Альянса. Той довелось в последние лет пять воевать так, что просто мама не горюй. Длинный и широкий штык-нож это только подтверждал, пехотинцу таким работать куда сподручнее.

Клинок просвистел почти по предплечью, чуть не распахав его по всей длине. Почти. Через несколько секунд, заработав удар ботинком по яйцам, сломанное запястье и вывихнутый в плече сустав, мужчина охнул и прилег отдохнуть. Следующий удар пришелся в голень, скорее всего треснувшую. К чести любителя ножевого боя он не орал. Скрипел зубами, матюгался, грыз грубую ткань рукава. Но не орал. В отличие от своих товарищей, ни разу не молчавших по всей округе. Стаю людей-шакалов, долго разорявших хозяйства этой части Альянса, добивали.

– Чего ждешь? – прохрипел бывший владелец штык-ножа. – А?

– Тебе-то чего не терпится? – голос, проходя через опущенное забрало шлема и маску казался нечетким и ... молодым? – Сдохнуть быстрее хочешь, значит.

– А хотя бы и так, тебе то что, щенок? – Мародер умуд-

рился даже сплюнуть, хотя большая часть слюны так и осталась в черно-седой бородине.

Он посмотрел на самого себя, отразившегося в стекле забрала. Кадык на шее, тоже густо заросшей жесткой шерстью, предательски дрогнул. Но вместо ожидаемой стали по горлу в зубах неожиданно оказалась сигарета. Фосфорная спичка чуть зашипела, плюясь разгоревшейся головкой. Бандит затянулся, жадно хватая сладковатый дымок привозного дорогого табака, замолчал.

Ребристая подошва ботинка чуть сместилась, не пропадая из зрения. Салага в понтовом шлеме, сваливший его как котенка, не отходил. Пока не убивал, стоял, смотрел вокруг. Да на что там смотреть? Что можно увидеть нового в пустошах?

Фермерский дом и подворье с постройками, уцелевшими полностью. Повезло крохобору, налетели эти... в шлемах. Всю банду положили, не дали ничего сделать. А так-то... Дом бы может и выстоял, стены-то точно. Сложены недавно, в три кирпича, надежные, сто лет простоят. Если крупным калибром не вжарить, конечно. Но остальное сгорело бы, пусть и не сразу. Почти все сараи из дерева, привозного и дорогого. Самые мелкие так вообще, из шпал собраны, стыренных с постройки восстанавливаемой железной дороги. Ох, полыхнули бы.

Вон, ближе к дому, сваренная из стальных листов огромная коробка. Самая большая драгоценность здесь. Котельная и очень редко запускающийся генератор на дизеле. Два

колодца, старый, с насосом, давно заржавевшим, и новый, с воротом и цепью, вырытый лета три назад. Два трактора на латанных высоких колесах, выгоняемые с десятков раз за весь год. Горючее для них до сих пор чересчур дорого. А рядом конюшня, в которой стоят обычные лошади. Киберконей ни один местный земледelec себе не сможет позволить, разве что ближе к какой из столиц Альянса, там да, бывает... Вот и все, что осталось увидеть перед смертью далеко не старому мужчине. И о чем подумать.

Остатки и останки, никак больше. Все, что могло умереть, давно умерло. Знания, умения и хитрые машины еще остаются и работают, но сколько их? Но даже за эти крохи кровь здесь льется реками.

– Покурил?

– Да... – бородач лежал не шевелясь, боялся потревожить разможенное тело. – Салага, ты меня убить-то сможешь быстро?

– Думаешь, что стоит?

Мужик хищно улыбнулся.

– Я же человек, не тварь какая-то...

– Ты?

В забрале вновь отразилось бледное лицо с кровью и старым шрамом.

– Вы поработали у Илецка неделю назад?

– Где?

– Два хозяйства. Картошка, капуста, много яблонь. Пом-

нишь?

Бородач смачно отхаркнул.

– Помню. И что?

– Да то.

Штык-нож, совсем недавно так надежно лежавший в ладони бородача с хрустом вошел в его же горло. Тот задергался, замолотил ногами в грубых ездовых сапогах. Но отражения в забрале уже не было.

Ботинки с высокой шнуровкой остановились рядом с кучей бандитов, сваленных вповалку.

– Твари, кто еще хуже вас?

Со стороны двух высоких машин, оцетинившихся стволами и хищными ракетами, закричали. Команда пошла по цепи высоких фигур в броне и увешанных оружием.

– По местам!

Впереди ждала настоящая работа. Та, за которую чистильщикам и платят.

Глава первая: день, зной, охота в степи и душевная боль

«Война есть нормальное состояние человечества.

Но умирать на полях сражений должны те, кто любит войну.

Если необходимо раскатать государство, следует сделать так,

Чтобы в бойню попадали все, от мала до велика»

Из наставления

«Biblionescrum», гл. «Война».

M.A. Erynn, ph.d., Culto Nocto

Солнце стояло в зените. Трава, волнуясь под ветром, блестела своей, до конца не выгоревшей, стальной зеленью. Лишь кое-где травяное море пятнали яркие краски разнотравья. Пушистые метелки ковыля, густо торчавшего повсюду, дрожали под порывами, дующими с севера. На степь накатывала осень, но пока солнце, торчавшее ярко раскаленным гривенником на бездонном небе, жарило изо всех сил. Лохматые спины курганов еще выжигало, нещадно и жаростно.

Человек в плотном кожаном костюме с защитными вставками казался чужим. Он, сидя в седле потрепанного мо-

тоцикла-эндуро, не шевелился. Плевать хотел на раскаленный, густой воздух, маревом дрожащий перед глазами. Чернел неподвижным монументом на верхушке степного горба, покрытого проплешинами и желтыми пожухлыми пятнами. Лучи солнца бликовали на матовом забрале шлема, треснувшем в нескольких местах и лежащем на сгибе локтя. Изредка к звуку холостящего двигателя, вспугивая начавших привыкать к нему сусликов, добавлялось протяжное потрескивание.

– Как у тебя? – хрипнуло в динамике радиостанции, закрепленной на поясе.

На правом плече чернела небольшая коробка переговорного устройства.

– Пока спокойно. Жду. Не переживай, Мерлин, не проморгаю.

– Уж я надеюсь, Енот. До связи.

Отвечать мотоциклист не стал. Лишь покрутил головой, стараясь не упустить – когда в волнении ковыльно-полынного моря появится что-то неправильное. За свой тыл Енот был спокоен. Датчик движения, собранный Инженером, опробовать уже приходилось. На сто восемьдесят градусов позади чистильщик защищен. Небольшой монитор, крепившийся к выступу над баком, не показывал крупных живых объектов в радиусе ста метров. Этого расстояния ему хватит по уши, если что. Можно рассматривать красоту перед собой.

Седое, со стальным отливом, колыхающееся море, лежав-

шее под ногами, было спокойно и прекрасно. Густые светлые метелки ковыля, маленькие и пушистые головки типчака, изредка прореживаемые чертополохом и желтыми цветами шалфея. Запах трав, густой и обволакивающий, чуть сладковатый, с еле заметной горькой примесью полыни. Здесь, на юго-востоке, степь взяла свое. За последние сто лет никто не стремился вогнать лемех плуга в жирные, разваливающиеся под сталью ножа черноземы зеленовато-стального живого моря. Люди не могли себе позволить распахивать ее так, как раньше. И степь забрала назад все, положенное ей, принадлежащее по праву и отнятое людьми в прошлом. Мирная, тихая и спокойная степь... Еноту даже не верилось порою в ее смертельную опасность для большинства обычных людей, оказавшихся среди бескрайних просторов. Возможно, причина скрывалась в его собственной «необыкновенности»?

Через степь шли несколько, относительно безопасные, тракты-дороги. Один, соединяющий пограничные земли Альянса, Эмирата, Сибири и предгорий Камня, в последнее время стал очень... неудобен. Если не сказать серьезнее. Именно его широкая светлая полоса виднелась у горизонта. А Енот торчал на самом солнцепеке на верхушке кургана и ждал. Чего?

Уже две недели караванщики старались ходить не просто большими отрядами. Караван торговцев, будь в нем всего с десяток машин, мог потерять минимум две во время перехода через местный участок пути. Шайки бандитов не сова-

ли сюда носа, а это Еноту казалось очень удивительным. Что думали степные мутанты, он не знал, с этими разговор всегда короток. Не языком и словами, нет. Только сталью и свинцом. С ними по-другому больно-то не договоришься. Начнешь говорить и не заметишь, как отрежут голову. Если сам первый не пустишь пулю в лоб зарвавшемуся зверю. Но даже эти сюда старались не соваться.

Инженер, собравший все рассказы, слухи и байки, осмотрев два вырытых трупа, сверившись с имеющейся архивной и оперативной информацией, сделал предварительный вывод. Совсем не утешительный и абсолютно туманный.

По его мнению, которое сомнению не подвергалось, отряду придется иметь дело с новым видом живых организмов, подвергшихся реактивным эволюционным изменениям. Скорее всего – из-за попадания в зону действия биологического влияния одного из Прорывов. Результатом является выводок не-пойми-кого, потрошащий отставших людей и отбившиеся от караванов машины с повозками. Для того чтобы с этим покончить, надо для начала уничтожить тех, что здесь. Разобраться, изучить, понять, как с ними бороться. Новые виды опасных существ всегда опаснее вдвойне. Потому как ничего про них неизвестно. Вплоть до того, что совершенно непонятно – куда, чем и как надо попасть, чтобы вырубить зверюгу. Устранив угрозу напрочь, сразу и гарантированно насовсем.

Пограничье, Фронтيرا, как его называли приезжавшие

с Запада переселенцы, славились предприимчивыми и умными людьми. Глупые, слабые неумехи здесь просто не выживали. А еще здесь немало группировок и кланов, деливших между собой все окружающие земли, большую часть как бы охраняемого населения и области их жизнеобеспечения. Между Челябиной и Сорокой лежало много километров дороги, в меру сохранившейся и удобной для использования и развития деловых отношений. Клан транспортников из Сороки последние десять лет занимался только этими перевозками. Грузы, почта и люди. Неизвестно, что перевозить сложнее, но для перевозки людей даже приспособили восстановленные по чертежам и сохранившимся остаткам длинные четырехосные рыдваны, собранные руками механиков-умельцев.

Длинные металлические коробки, даже с окнами, забранными решетками. Автобусы с опускающимися изнутри дополнительными металлическими жалюзи и бойницами для стрельбы, с закрепленными на массивной стреле переднего форкопа треугольным выступом-тараном. Транспортники неплохо заработали с начала их эксплуатации, умудряясь обеспечивать относительно безопасные, разумно дорогие и позволительные по времени перевозки. Вернее – умудрялись, до поры, до времени. Как животные, пусть и не совсем обычные, смогли уничтожить три из них, сожрав всех пассажиров, для Енота было загадкой.

Сейчас одинокий человек оказался приманкой, Мерлин

назначил его живцом. Енот не обрадовался, но и не сильно расстроился. В себе он был уверен. В технике Гана, сейчас мерно ворчавшей мотором под ним, тем более. А не повезет? Что же тут поделаешь, судьба, значит, такая. Капитан не стал отменять приказ старшего группы, только подошел к Еноту перед самой отправкой сюда. Положил руку на плечо и попросил быть осторожнее.

Да уж, осторожнее. Он улыбнулся, вспомнив про напутствие Кэпа. После бойни под городом, откуда треть отряда не вернулась вообще, даже он, уже не новичок, сейчас на вес золота. Треть отряда, кого он успел узнать, с кем сдружился... кого полюбил.

Тонкий, резкий писк и появившаяся на прямоугольнике экрана зеленая отметка заставили сразу же прийти в себя. Одна, за ней вторая, третья. После седьмой, включившейся в широкую дугу, окружившую курган, Енот нажал на кнопку вызова:

– Они здесь, Мерлин. Начинаю движение.

– Понял, мы у тракта, на десять часов. Гони до сожженных грузовиков, укроешься за последним. Ждем.

Енот привычно, как делал несколько последних месяцев с получения мотоцикла, надел шлем. Оглянулся, всматриваясь в волнуемые живые волны под ним. С прошлого века степь не просто взяла назад свое. Она увеличилась в размерах как воскресший Арал, и многое в ней тоже стало больше. Как иначе можно отвоевать принадлежавшее тебе что-

то, если не стать сильнее, злее и живучее? Трава ростом по пояс взрослому мужчине, густая, жесткая, в некоторых местах не поддающаяся даже тракам гусениц тяжелой техники. В которой так удобно скрываться, если хочешь подкрасться незаметно. Ветер все также продолжал волновать светлые колосья ковыля, мотая их из стороны в сторону, играясь и мешая увидеть нужное. Но Енот заметил, опыта уже хватало.

Рассекая траву, к нему двигалось одиннадцать острых, желтовато-коричневых спин. Он выжал газ, заставив двигатель взречь, рванул машину вниз. Трава взорвалась от мощных толчков, разбрасывая выдранные корни и куски земли, выпуская загонщиков. Но этого Енот уже не видел, сосредоточившись на скорости и управлении. Выходило очень сложно даже на эндуро.

Амортизаторов хватало лишь для того, чтобы ничего не сломалось. Нестись вперед Еноту приходилось почти стоя. Оглядываться ни возможности, ни смысла. Одиннадцать зеленых точек, отображенных экраном, не отставали. Двигатель ревел и выл, гоня машину вперед. А преследователи, как бы странно это не выходило, приближались. Все лошадиные силы механического коня не дали перед ними преимущества, существами, рожденными в степи для охоты на ее просторах. Но Енот уже забыл о том времени, когда мог сдать перед обстоятельствами. Оно давно осталось позади. Двигатель ревел и гнал мотоцикл вперед, туда, где ждет отряд.

Он выругался, увидев совсем уж неприемлемое приближение одного из хищников. Опасно в такой ситуации контролировать тяжелую машину только одной рукой, но что оставалось?

В креплениях, специально сделанных Ганом ниже бака, дожидались своего времени стальные друзья Енота. С магазинами, полными девятого калибра, чтобы бить сразу и наверняка, с режимом автоматического ведения огня. Бери и стреляй. А за последние два года стрелять его научили хорошо.

Енот, протянул правую руку за «питбулем». Рукоятка легла в ладонь, удобная и знакомая, покрытая рубчатой резиной. Приклад-рамка прижался к предплечью сверху, надежно зафиксировав короткий и не очень тяжелый автомат. Впереди мелькнула сносная широкая полоса, петляющая до самого тракта. Мотоцикл ощутимо трянуло на высоких кочках, но Енот справился и одной рукой, не потеряв управления. Придержал руль левой, повернувшись назад.

Трава за ним резко вспучилась, брызнув зеленой, взорвавшись метнувшимся к нему телом. Времени на разглядывание нет, в руку мелко ударило отдачей. Автомат выплюнул первую порцию, плеснуло густым и багровым, преследователя отбросило в сторону. Заросли сбоку и позади Енота рванулись еще несколько раз, выпуская догонявших. «Питбуль» стучал без остановки, отбиваясь от наседавших справа. Монитор спокойно попискивал и моргал, показывая

– слева скоро станет намного жарче. Но пока Еноту оказалось не до того.

Мотоцикл снова тряхнуло, рука дрогнула и две пули для ближайшего противника ушли в белый свет, как в копеечку. Преследователь, низкий вытянутый, со слишком длинными лапами, прикрытый по бокам странной кожистой попоной, прыгнул. Прыжок вышел невообразимо высоким и глупым, успел подумать Енот. Зверь ничего думать не стал. Подлетев в воздух больше чем на два метра, разом раскрыл кожаные складки, превратив их в крылья. Небольшие и какие-то куцые, но позволившие ему начать планирование, и преследовать уходящую добычу в совершенно новом качестве. Енот выстрелил, преследователь качнулся в сторону, уходя от выстрелов человека. Пули прошли мимо, боек шелкнул вхолостую, Енот выругался. Впихнул автомат в крепление и вильнул вправо, интуитивно почувствовав момент атаки. Не ошибся.

Двигатель мотоцикла взревел после ручки, выкрученной до предела. Машина скакнула козлом, чуть не улегшись на бок. Колено Енота, прикрытое дополнительной вставкой щитка, проехалось по кочкам, за лето затвердевшим до состояния камня. Внутри что-то хрустнуло, налилось горячим и болезненным. Чистильщик охнул сквозь зубы, еле удержав машину и поднимая ее из этого пике. Зато серо-желтый силуэт, мелькнув сбоку, промахнулся, чуть не пропахав землю, но зверь смог выправиться. Когтями задних лап задел метел-

ки травы, выгнувшись в невозможном усилии, рванул вверх, сильно взмахнув крыльями. Но Енот уже не следил за ним.

Главным стало поднять машину и вырулить в сторону места randevу с отрядом, неожиданно ставшего очень близким. Пустяковая задача внезапно превратилась в очень сложную. С левого бока, который он временно оставил без присмотра, к нему неслось уже трое видимых преследователей, желтеющих спинами.

Мотоцикл, наконец-то, выпрямило, Енот снова поддал газу, поднял эндуро на дыбы, перелетая первый из признаков близости к тракту – задний мост сгоревшего грузовика. Машина перемахнула его, чуть чиркнув задним колесом. Этого хватило, чтобы сбиться с ровного темпа. Мотоцикл вильнул, Енота кинуло на руль, зубы клацнули друг о друга, во рту стало солоно. Он навалился на правую сторону, стараясь вырулить, выдохнул, увидев – что его ждет.

Переднее колесо Енот успел уберечь от столкновения с остатками проржавевшей тракторной телеги, густо разбросанными по земле, заднее – нет. Удар вышел сильным, но Енот сгруппировался, успел выдернуть ногу за секунду до того, как правая сторона машины начала рыхлить землю. Выучка и тренировки помогли. Он смог не просто схватить заряженный автомат и спасти самого себя от перелома. Нет, Енот исполнил настоящий акробатический трюк, встав на роющем кочки и траву мотоцикле. Оттолкнулся, взмыв в воздух и улетел в сторону. Приземлился, ударившись плечом

о металл тележной рессоры, в плече хрустнуло, но он уже бежал вперед, успев сбить пулями одного из зверей.

Те полным составом оказались рядом, догоняя, или, что вернее, загоняя одинокого человека. Только человек попался очень упорный, да и полностью человеком называть его не стоило. И догнать его сразу не получалось. А еще у него были очень хорошие друзья. Они-то еле смогли выждать, терпя до последнего момента. Последний момент наступил, когда Енот споткнулся, отстреливаясь сразу от двух наседающих преследователей.

Мерлин устроил засаду грамотно, с точным расчетом на выход стаи именно сюда. Понимая, что запах металла, смазки и людей спугнет зверей, на холмах, оставшихся позади Енота, никого из бойцов не было.

Но Толстяк с Мусорщиком успели добежать, зайдя в тыл зверю. Остальные встретили нападающих в лицо, затаившись до поры до времени. Енот заметил мелькнувшие силуэты между остовов техники только сейчас, мгновенно поняв, что произойдет дальше. Метнулся вперед, дотянув до проржавевшего громадного цилиндра, бывшего в прошлом не иначе как цистерной.

Успел выстрелить, попав в самого нахального из преследователей, прежде чем пришлось вжиматься в землю. По ушам ударило резким и пронзительным звуком, заставившим сбросить уже не нужный шлем и плотно зажать уши ладонями в толстых перчатках. Над ним с воем пронеслось

серо-желтое вытянутое тело, и Енот поздно сообразил, что мог погибнуть в самом конце всего дела. Еще бы немного... но это уже лирика. Наступила развязка. Отряд из засады бил точно, прямо по целям, почти как в тире. Выхода у зверья, кроме как помереть, никакого и не осталось.

Грохот выстрелов, визг и дикий ор позади, резкие запахи пороха и крови. Все привычно и знакомо. Результат тоже не стал чем-то выдающимся. Когда Енот наконец-то выглянул из-за своего укрытия, все уже закончилось. По склону холма спускались довольно склабящийся Мусорщик и бережно несущий своего металлического друга Толстый. На небольшом пятачке у самого края тракта валялись, разорванные прямыми попаданиями остатки стаи, уничтожавшей караваны и путников одиночек. Из-за прикрытий, по одному, все еще держа на мушке пару дергающихся и издыхающих чудищ, выходили остальные.

Енот отряхнул рукава, полностью заляпанные густой зеленью от травы, содранной в падении. Начал выбивать пыль из куртки и брюк, но понял, что бесполезно. Поправил бедренную кобуру и пошел смотреть – что случилось с мотоциклом.

Машина валялась метрах в двадцати от места, где Еноту пришлось прятаться. Наполовину скрытая из вида навалившейся сверху тушей одного из зверей, покрытая грязью и спекшейся кровью. Енот ругнулся про себя, вцепился в толстые, как оказалось, кожаные крылья, потянул труп к себе. На удивление тварь оказалось не такой уж и легкой, какой

виделась со стороны. Как ей удавалось не только носиться, будто ужаленной черными шершнями, но еще планировать, было совершенно непонятно. Да это и не его, Енота, дело. Будет, кому заняться подобными вопросами. Пришлось на-прячься, но сероватая туша, покрытая короткой шерстью, ударилась, наконец, о землю.

– Чтоб тебя перевернуло и трахнуло... – присвистнул Енот, глядя на седло, полностью заляпанное кровью и требухой.

– А вот это вряд ли, малыш. – За спиной гоготнули. Он покосился, хотя и так понимал, кого увидит. – Если только ты ее сам не перевернешь и прочее.

– Смешно тебе, Мусорщик... – Енот еще раз тоскливо окинул взглядом кроваво-мясной натюрморт пред глазами. – А мне теперь всю эту дрянь оттирать.

– Вот балбес. – На плечо опустилась тяжеленная рука. Толстый еще и похлопал, заставив Енота и охнуть вдобавок. – Живой остался, так и хорошо. Отмоешь, в первой что ли?

Задерживаться рядом с ним парни не стали. Медленно и вальяжно прошествовали в сторону укрытых в низине машин отряда. Зато вместо них рядом с Енотом выросла строгая фигура командира боевой группы. Мерлин с неодобрением окинул его взглядом, не выражающим ничего хорошего, с ног до головы:

– Ну, боец, и что это было? – Скрипящий металлом по

стеклу голос чистильщика в такие моменты становился чрезвычайно неприятным.

– Что именно? – Енот непонимающе уставился на него.

– Ты где таким трюкам обучился, Енотище? – Мерлин пожал плечами. – Расслабился? Ты даже труп предварительно не упокоил, мало ли. Изобразил из себя святого Мэдмакса, отбивающегося от мегалокефалов, и контрольный звонок в голову забыл сделать. Тебя кто научил так хреново рулить этой смесью из велосипеда и швейной машинки? И промахиваться с расстояния в пяток метров, а?

– Мерлин, ты чего?

– Чего я? – Командир группы обошел столбом стоящего Енота, остановился. Покачался на каблуках, заведя руки за спину, и продолжил. – Мы ведь рано начали стрелять, Енот, понимаешь? Ты не вытянул даже до контрольной отметки, представь себе. А если бы прибор Инженера не сработал, и твари взяли бы за тебя там, на холме, наверху? Скажи спасибо Кримхильде, ее выстрел тебя и спас. Что с тобой, Енот, ты устал, парень?

– Мерлин...

– Мерлин, Мерлин... да я черт его знает сколько Мерлин. Ты же ветеран, малыш, почти как Фрост. Как ты мог так глупо и безответственно себя повести, не скажешь? Машина была в порядке, подвеска, руль?

– Все в порядке. – Енот начал закипать. Он понимал, что старший прав, что в чем-то ошибся, хотя не признался в этом

и самому себе. Но не мог успокоиться и продолжал злиться.

– Хорошо, значит Ган не причем. – Мерлин закинул автомат на плечо. – Поступим так... Тебя, на какое-то время придется освободить от операций. Не вскидывайся, Енот, не стоит. Официальный рапорт Тундре я напишу, пусть он и решает.

Старший группы замолчал, глядя на валяющееся под их ногами тело. Енот ничего не ответил, замерев и не веря ушам.

– Ты такой не один, поверь мне. – Мерлин снова начал говорить, кривя узкие жесткие губы. Шрам, начинающийся от глаза и теряющийся только под костюмом, извивался змеей. – Все устали, без отдыха скоро как полгода. Енот, ты не бери близко к сердцу. Рисковать тобой, не говоря про молодняк, мы себе не можем позволить. Тебе просто надо отдохнуть, вот и все. Добраться бы до Базы...

Он резко прервал монолог, развернулся и пошел к высокой и худой фигуре, появившейся на залитом кровью пятачке. Инженер, его новые помощники, Скат и Змей, уже подросли к таким необходимым экземплярам существ. Судя по расстроенному лицу Инженера, Мерлина сейчас ожидало не много не мало, а рассуждение о неумении группы хорошо стрелять, из-за чего просто нет ни одного нормального экземпляра. Впрочем, Еноту было уже все равно на ворчание недовольного командира научного сектора. Он с натугой поднял мотоцикл и покатил его в сторону лагеря. А что еще

оставалось?

– Что скажешь, Инженер? – Кэп хлебнул густо пахнущую мятой и душицей жидкость из кружки. – Есть интересное?

Тот задумчиво посмотрел на пальцы правой руки. Видимо ничего не нашел и посмотрел на левую. Постучал по столу карандашом и пододвинул к командиру несколько скрепленных друг с другом бланков на желтой, плотной бумаге. Ничего не сказал, лишь кивнул в их сторону и вопросительно изогнул бровь.

В небольшом отсеке командирского механического чудовища было тесно. Кроме самого Капитана, сидевшего на откидной койке и Инженера, занявшего стул, здесь же находились Тундра и Мерлин. Тундра, убрав трость, решил не стоять, бесцеремонно подвинув Кэпа. Мерлин же остался подпирать косяк овальной двери, хмурясь и не ожидая ничего хорошего от разговора.

Кэп дернул щекой и потянулся за сигарой. Получил от Инженера по рукам, сплюнул, и взялся за бланки. Строчки, ровными рядами идущие под оттиснутым черной краской гербом Альянса, оказались заполненными аккуратным и убористым подчерком Фроста. Хватило нескольких минут чтения, чтобы командир отряда удивленно взглянул на Инженера:

– Ты серьезно, ошибки нет?

– Никакой ошибки, Капитан. – Инженер побарабанил пальцами по крышке стола. Переложил лежащий на краю пи-

столет командира, подумал и вернул его же назад.

– Почему так нервничаешь?

– Как тут не нервничать? Ты же видишь, что и почему. Было бы просто зверье, пусть и необычное, а тут...

– Так что за звери, установили? – Капитан положил листы.

– Белки, мать их, летяги, командир. Или очень похожие организмы. Только плотоядные, в отличие от грызунов с хвостами. Возможно такое? Вот и я не знаю, если честно. Понимаешь в чем дело... изменения организмов чрезвычайно странные. Полное впечатление того, что все они созданы специально, кем-то очень талантливым. Служат одной, узконаправленной цели, подчиняются и контролируются на расстоянии. Если бы вот эти раздолбаи, гомонящие сейчас за бортом, хотя бы старались стрелять аккуратнее, да, Мерлин?!

– Они старались. – Мерлин смотрел на причудливый узор разохшейся краски, освещенный лампами на стене командирской машины. – Как могли.

– А могли бы и лучше! – Инженер невесело улыбнулся. – Крошево, фарш, и мне из этой каши как прикажете делать выводы, анализы проводить? Не знаешь, Мерлин? Может быть, твой командир знает?

– Ты чего кипяتيشся, Инженер? – Тундра покосился на него из-под нахмуренных бровей. – Это бой, хорошо, что вообще что-то осталось.

– Ну, конечно, – протянул тот, – еще бы их не защищал, естественно. Уничтоженный образец наземного компактно-

го датчика движения тоже не считать? Его делали всю последнюю неделю, а Енот его раскокал за пару секунд.

– Может, хватит? – Тундра поморщился. – Парень еле живой остался, а ты про прибор говоришь...

– Прекратить. – Капитан, все-таки доставший сигару, задымил. Подчиненные, только услышав его тихий хриплый голос, замолчали. Авторитет командира, как обычно, был непререкаем. – А теперь по порядку о главном. Потом разберемся и с поломками, и с тем, почему Енот еле выжил. Так, Инженер, излагай, только кратко, без специфических терминов и определений.

Бородатый умник кивнул, продолжая прерванный им самим краткий отчет:

– Исследованное существо является гибридом, созданным из хищников семейства куньих, либо неизвестного пока вида. Как я и говорил, звери созданы креатором высочайшего уровня. Я не шутил по поводу белок, но данный вывод не является однозначным. Большая часть генома существ является прямым заимствованием у такого, весьма специфического хищника, как росомаха. Отсюда и своеобразное строение костного и мышечного скелета, средства нападения, необычайно высокие по уровню организованности и хитрости повадки, обходящие нормальные для росомахи, как одиночки.

Гипертрофированный рост легко объяснить вмешательством некоторых внутренних и сугубо специализированных биологических механизмов, полученных на территории

Прорывов. Известно, что часть обычных представителей фауны зон, захваченных территориями Прорыва, видоизменялась, в том числе и в сторону увеличения формы и массы тела. Объяснить природу катализатора, вызвавшего рост данных объектов нашей последней охоты, в полевых условиях не представляется возможным. Оборудование есть, а вот реагентов и прочей химии у меня уже нехватка. Так что, господа, выводы мы сделали только предварительные. За исключением вот этого, указанного в отчете. Существа управлялись при помощи прибора, выделяющего ультразвук и работающего на принципе его модулирования. Определенная последовательность волн указывала стае на то, что от них требовалось. А также прибор защищал его владельца от самих зверей. И человек не мог находиться на расстоянии большем, чем сто или сто пятьдесят метров. Выводы напрашиваются сами собой. Все просто, прямо как гречневая каша с маслом.

– Ну, не скажи... – Капитан нахмурился. – Каша она тоже, знаешь ли, разная бывает. Но это так, к слову пришлось. Кто может создавать подобные устройства?

– Интересный вопрос... – Инженер неодобрительно посмотрел на затушенную, наконец, сигару. – Не меньше, чем когда ты совсем курить бросишь?

– Отстань... – Кэп прихлебнул из кружки. – Мерлин, а Мерлин?

– Кофе принести?

– Если не сложно. Ну не могу я эту бурду хлебать, честно.

Полезно, не полезно, какая разница. Мне уже по всем срокам пора было давно и прочно сдохнуть, а меня тут все лечат и профилактият, сколько можно? Так кто?

– Повторюсь, командир... – Инженер машинально снял очки и покрутил их в пальцах за одну из дужек. – Это очень интересный вопрос. Но нам интереснее другой, а именно, для чего? Караваны не грабили, только гибли люди и все. Понимаешь, к чему веду?

– Сложно не понять. – Капитан тоскливо посмотрел на дно кружки. – А что мы знаем наверняка, друзья и подчиненные? Кому может быть выгодна такая интересная и кровавая забава, как содержание стаи хорьков-переростков и какую выгоду эти таинственные анонимы могут преследовать?

– Причина и ее следствия. – Тундра с хрустом поскреб жесткую щетину на подбородке. – Задача по нахождению причины, как мне кажется, не такая и сложная. Караваны и транспорты с людьми, перевозки именно людей. Отлаженная сеть, которая неожиданно дала сбой. Я узнавал, командир, насколько выросла стоимость поездок из Сороки до Челябин, и еще кое-куда.

– И? – Капитан внимательно покосился в сторону двери. Мерлин возник в дверях неслышно, но даже прокуренное обоняние Капитана уловило его появление заранее. – Кофе?

– Кофе, кофе... – чистильщик аккуратно поставил на стол парящую кружку. – Айболит...

– Сказал, что себе? – Командир отряда строго уставился

на него.

– Да... но мог не поверить.

– И хрен с ним, я тут главный, в конце концов. Продолжай, Тундра.

Заместитель кивнул и продолжил:

– Одна очень хитрая компания из двух бывших граждан Итиля, сваливших оттуда явно с большими деньгами, и совсем уж хитрый Высший мутант, входящий в коридоры управления Альянса, недавно организовали некое общество. Обозвали его довольно замысловато – «Первое сухопутное парходное товарищество на паях», и решили заняться неблагодарным делом.

– Совсем неблагодарным? – Инженер заинтересованно посмотрел на него.

– А вот это как повернуть... – Тундра почесал в затылке. – Вымыться нормально хочу, в парилке деревянной, блин. Ладно, иду дальше.

Значит смысл компании в чем? Верно, в восстановлении железнодорожных путей сообщений для торговых фирм и частных лиц, соответственно. Идея не нова, но мало кто ей занимался всерьез. Что у нас сейчас имеется? Оставшаяся часть полотна дороги, идущая отсюда и до Камня, да и в сторону Итиля, имеет строго стратегическое назначение. Уголь для топок дорог, дизель еще дороже, и его мало, сами знаете. В последний раз, Кэп, я очень долго бился с одним комендантом, чтобы баки залить, и цистерну...

– Хорош нить, Тундра. – Довольно улыбающийся командир сделал несколько первых обжигающих глотков и потянулся к портсигару. Показал Инженеру, встрепенувшемуся было, кулак и с удовольствием закурил. – Ты это, излагай по сути дела, а про горючку мы с тобой потом поговорим, хорошо?

– Договорились. – Заместитель Капитана довольно улыбнулся. Напомнить командиру о решении с дополнительной горючкой во время серьезного разговора посоветовал Мерлин. Сработало, в этом Тундра был уверен. – Рассказываю дальше. Эти три умных деловых человека запустили два первых поезда. В прошлом месяце, взяв подряд на присоединение дополнительных товарных вагонов с грузом для тамошней фабрики. В качестве обеспечения безопасности – две бронированных платформы, плюс посты по крышам вагонов, с пулеметами и прочим необходимым инвентарем. За месяц количество пассажиров и перевозимых грузов выросло в три раза. И это несмотря на мародеров, которые регулярно пытаются их кусать. И степняков.

– То есть, Тундра, дела у умников пошли в гору? – Капитан вкусно допил оставшийся и успевший заметно остыть кофе. С сожалением посмотрел на чистое дно кружки и вздохнул. – Вместо Тракта люди занимают очереди в железнодорожные кассы? Ба-а-а... прогресс просто-напросто с цивилизацией. Нам остается порадоваться, полагаю, за этих человеколюбивых умников?

– Прям мои слова, командир, – хмурое лицо Тундры стало еще более хмурым. – Так оно и вышло. Только радоваться не будем. Жадины они, иначе...

– А-я-я-й, какие негодяи, подумать только... – протянул Кэп, перебив заместителя. – Ну, надо же, какие они жадные люди.

– Доказательств ваших предположений о связи зверей и этих парходчиков нет. – Инженер недовольно дернул щекой. – Это недоказуемо.

– А нам и не надо ничего доказывать, что ты, что ты. – Капитан усмехнулся. – Пусть этим КВБ занимается. В Соробе есть, кому слить информацию, вот и сольем. Пусть разбираются. Меня совершенно по другой причине это дело беспокоит, уважаемые мои господа подчиненные. Зверье это... ничего не напоминает?

Трое собеседников переглянулись, понимающе и молча.

Два года назад отряд положил треть своих людских ресурсов под одним из шахтерских городов Альянса. Не зная плана выходов из катакомб под ним, не имея плана коммуникаций, настоящих, а не только тех, что были указаны на имеющемся у них документе, Капитан пошел на крайнюю меру. Все, кто мог держать в руках оружие, пошли под землю после того, как непонятные твари, жившие там, попытались прорваться к живой плоти людей за стенами города. Безумное предприятие, не имеющее никакой подготовки, закончилось ожидаемо. Отряд, не поддержанный ни силами КВБ, заняв-

шими городок после пресечения попытки мятежа, ни местным ополчением, едва не погиб.

Свою численность отряд восстановил, набрав молодежь и приняв нескольких ветеранов, ушедших со своих отрядов с одобрения командиров. Бросать братьев, когда у с теми беда, у чистильщиков не принято. Восстановить былой уровень Капитан и командиры подразделений пытались до сих пор. Выходило неплохо, но не так, как им бы хотелось. Не хватало пар в группе Мерлина, и оставалось надеяться лишь на ближайший выпуск в Школе. А до него ой-ой, как долго.

А история в том городке вышла темная. Не светлее, чем нынешняя. Твари не просто убивали горожан и уходили в подземелья. Ими управляли, и лишь в самом конце, в кровавой развязке, они сорвались с цепи. И что Капитан имел здесь, в Степи, спустя два года? Практически тоже самое, только более уверенное и надежнее сработанное. Это не просто очень плохо, нет-нет.

Командир отряда еще раз посмотрел на отчет. Провел пальцами по гладким листам, понимая весь груз ответственности. Надо принимать решение. Одно уничтоженное гнездо ничего не давало. Надо снова начинать копать, рыть землю, искать тех, кто стоял за этим. Не смогут Капитан и его люди сейчас найти умников, создающих подобные дилеммы, через какое-то время появится кто-то еще. И так постоянно появляются новые виды, новые проблемы. Растущие как грибы после дождя, возникающие то тут, то там. А если про-

изводство управляемых существ, как уничтоженных сегодня отрядом, станет живым конвейером? Капитан посмотрел на подчиненных, нет, не так. Он посмотрел на старых друзей, которые думали сейчас о том же.

– Отдыхать, говоришь, Тундра?

Хмурый здоровяк согласно кивнул.

– А это хорошо... – Капитан подмигнул Мерлину. – С утра выезжаем. Мерлин, доставишь Ската в Сороку, с телами и отчетом. Потом едешь на Базу. Всем все понятно?

Инженер удивленно крикнул, глядя на него. А Тундра с Мерлином переглянулись, расплывшись в довольных улыбках и удивляться не стали. Уже когда они выходили, командир окликнул:

– Мерлин, ты это... – палец Капитана выписал в воздухе странную фигуру. – Не наказывай Енота, не стоит. Лучше на Базе займешься его подготовкой серьезнее. Сдается мне, что разведка в целом и Виннету в частности, переживут без него. Попробуем его к тебе, как ты считаешь?

Мерлин только коротко кивнул в ответ.

Енот сидел на колесе транспортного «круизера» и ковырялся ложкой в плоской пластиковой тарелке. Есть не хотелось. Макароны, притушенные в густой мясной подливке, пахли безумно вкусно. Его собственный нос, научившийся за прошедшее время оценивать кухню отрядной стряпухи Мамачоли, сразу выделил густой аромат базилика и еле заметный

тон душистого перца. Запах заставлял слюну выделяться с удвоенной скоростью, но вот беда, есть он не мог. Даже уйдя от непонимающе посмотревших на него друзей за общим столом, не мог. Енот злился.

Что сегодня сделал не так? Ведь все шло правильно, ну, кочка. А что кочка? Выводок он подвел как раз под удар группы. Все живы и здоровы, а на душе осадок. Такой очень ощутимый, тяжелый, мерзкий. Вроде и не виноват он ни в чем, а ощущение такое, как будто подставил ребят. Енот посмотрел в сторону их, весело и радостно гомонящих под навесом походной столовой. Минут десять назад Тундра сказал о возвращении домой. Домой...

База стала домом и для него, хотя...

Енот больше любил дорогу. Так как сейчас, находиться где-то далеко, среди степи. Или в очередных развалинах. Спать урывками в кузовах, на броне, на земле, в палатках, внутри машин. Почему? На этот вопрос проще промолчать, чем ответить. Он помнил свой дом уже взрослым. Не так, как остальные. Большая часть ребят, с самого своего детства, не знала ничего другого. Только отряд, только База. Но сейчас Енот тоже радовался, как и они. Что-то надломилось за последнее время, не давало найти немного покоя. Который стал так нужен.

Он зачерпнул, наконец, ложкой из тарелки, почувствовал безумно прекрасный вкус. Вспомнил, как в первый раз, за тюканным городским стражником, сидел за столом и смот-

рел на тех, кто стал его новой семьей. Как было удивительно видеть тех, о ком рассказывали страшные сказки на ночь. Обычными, живыми, смеющимися. Сколько их уже нет? И кого, самое главное, это самое главное. Енот не донес до рта следующую ложку, слепо уставившись перед собой.

Вспомнил, ощутил кожей: легкое касанье плеча, обтянутого красной тканью, ехидные и добрые одновременно зеленые глаза, ласковые губы. Вздрогнул, неожиданно поняв – сложенная из нерушимых кирпичей стена внутри, отгораживающая его от воспоминаний, дала трещину. И еще более ясным стало – почему он так не хочет возвращаться на Базу. Ведь там оставаться наедине со своими мыслями, несмотря на постоянную усталость от тренировок, станет сложнее. Енот скрипнул зубами. А ведь, казалось, смог отодвинуть в сторону.

– Енот... – Мерлин, как обычно, подобрался неслышно.

– Да?

– Сможешь ночью подежурить?

– Конечно. – Он пожал плечами. Почему бы и нет?

– Спасибо. И это... – Мерлин замялся. – Извини, я сегодня был не совсем прав.

– Все нормально, у меня хватило ошибок. – Енот тоскливо посмотрел в тарелку. Есть ему расхотелось... совершенно. – Когда заступать?

– Часов в десять. В два тебя Первый поменяет. Он просто сейчас на профилактике у Инженера. Возьмешь двух моло-

дых, Змея и этого... как его, Ската. Пусть привыкают тоже, а то засиделись

– Хорошо, я понял.

– Енот?.. – Мерлин все не торопился уходить. Переминался с ноги на ногу, стоя на одном месте, явно не решаясь что-то спросить. Еноту даже стало интересно, настолько это необычно выглядело. Лысый чистильщик потоптался на одном месте, переместился на другое, не выдержал. – Что с тобой происходит?

– Ты про что?

– Это ты мне скажи, малыш. Я ведь мысли читать не могу, а с тобой прямо сейчас что-то не так.

– Все нормально, Мерлин, честно.

– Не ври, Енот, не стоит.

– Что ты к нему прицепился? – Файри, возникшая рядом с ними неожиданно и сразу, подхватила командира группы под локоть. – Устал парень, не видишь, что ли? Енот, ты чего не поел? Не хочешь?

Ему оставалось только развести руками.

– Ну и ладно, не маленький же мальчик. Захочешь, так сухариков погрызешь. Пошли Мерлин, дай человеку отдохнуть.

Они отошли метров на десять, когда Файри остановилась и повернула назад. Подошла, наклонилась и пошарила руками в траве. Енот молча смотрел на нее. Не поднимая головы, но четко и ясно она сказала:

– Снова?

– Да. – Енот давно не пытался обмануть Файри. Как не пытался, так ни разу и не вышло.

– Плохо. Держись, друг.

– А есть другие варианты?

Она встала, посмотрела на него. Высокая. С самой лучшей фигурой, что доводилось видеть Еноту. Со своей татуировкой на гладкой коже головы. С добрыми карими глазами с пушистыми ресницами. Страшная и очень опасная женщина-чистильщик, Высший мутант, прекрасный друг и все понимающая жилетка, в которую Еноту приходилось плакать после смерти Хани. Провела ладонью по его щеке, чуть пожала плечо. Повернулась и пошла, оставив его наедине с самим собой. Прекрасно зная, что сейчас ему нужно и необходимо только это.

Чуть позже он отнес чистую посуду на кухню, незаметно для всех скормив свою порцию замечательного ужина Хану. Потом взял оружие, подсумок с магазинами, бронежилет со шлемом и ушел на внешнюю линию охранения. Сел, привалившись спиной к колесу одного из «крузеров» и смотрел в темнеющий горизонт, глядя мягкий и теплый бок Хана, ровно дышащего и довольно вывалившего красную лопату языка.

Псу было достаточно друга рядом, ему было хорошо. Мохнатая громада подставляла лобастую голову и урчала как котенок, радуясь ласке. Ночь полностью спустится через час, и

пока можно немного расслабиться. Тем более что уже около года как отряд пользуется датчиками движения, которые выводят данные на монитор дежурного офицера. Так что Енот с полным правом мог позволить себе минут так около сорока безделья. Чем он и занялся. Сидел, гладил собаку, гонял между зубов сорванную былинку и смотрел перед собой.

Солнце уже спряталось за курганы, казавшиеся отсюда совсем невысокими. Алый полукруг, с отливающим золотом ободком по краю, скоро должен совсем пропасть, спрятаться до утра. Степь понемногу остывала после яростного дневного зноя, неожиданно вернувшегося в этом году осенью. На прошлой неделе были дожди, и густое травяное одеяло, покрывающее землю вокруг настолько, насколько хватит взгляда, запоздало делало последнюю попытку прорасти и раскинуть семена.

Густой и сладковатый запах, прореживаемый резкими нотами от редких и невысоких акаций, мягко поднимался вверх. Енот вдохнул как можно глубже, всей грудью, неожиданно почувствовав себя лучше. Полдня назад, когда под ним диким козлом скакал мотоцикл, это густое зеленоватое море он практически ненавидел. А сейчас, когда адреналин полностью растворился, степь вдруг успокаивала. Если бы не дежурство, он бы лег на одном из «крузеров», расстелив спальник, и заснул прямо так, на не успевшей остыть от жары крыше. Лежал бы, наслаждаясь воздухом и тихим, убаюкивающим волнением густых и пушистых поверху живых

волн. Рассматривал россыпь отдельных звезд и четкие рисунки созвездий. Здесь они висели очень низко, сверкающими и огромными, мягко мигающими алмазами.

Но не сегодня, не этой ночью. Что будет завтра – Енот не знал и не загадывал. Получится осуществить непонятно откуда возникшее желание, станет вообще хорошо. Он улыбнулся, поняв, наконец-то, что ему здесь просто нравится. Будь его воля, так обязательно задержался бы еще ненадолго. Свобода, ветер, бьющий в лицо при поднятом щитке, рев двигателя, когда он вел разведку перед колонной машин отряда. Сложно было ожидать такой радости от заурядного занятия, но он ее получил.

Именно в степи Енот неожиданно не ощутил в какой-то момент глубокий и очень болезненный рубец, прорезавший его изнутри после того, как Медовая вздрогнула и замерла в его руках. Навсегда. Будет ли такое же ощущение на Базе? Сзади раздалось легкое металлическое позвякивание и шелест сухой сожженной травы. Енот обернулся, думая увидеть кого-то из новичков, и не ошибся.

Близко со Змеем ему пока ещё познакомиться не удалось. Его прикомандировали к отряду чуть ли не в последний день перед выходом и сразу закрепили за Профессором. Пересекались они лишь в лагере вечером, чаще всего за ужином. Разведка, в которой Енот остался после экзаменов на Базе, на месте не сидела. Люди Виннету, оседлав тройку мотоциклов и один багги, рысили по округе, высматривая лю-

бые зацепки, что могли бы рассказать о цели экспедиции. При желании и умении, а и того и другого хватало, находок находилось достаточно. Только иногда приходилось не слезать с седла и сутки, если вдруг обнаруживался горячий след. Так что в лагере, за все несколько месяцев последнего рейда, Енот появлялся лишь заправиться, отоспаться и загрузить закрепленные сумки необходимым в пути. Зато сейчас, судя по всему, появилась возможность рассмотреть нового товарища в деле. Пусть и не самом сложном, но зато очень ответственном.

И хотя ночные дежурства при включенных сигнализаторах стали проще – сон от этого точно не убежит. А желание поспать во время караулов Енот из себя изживал не меньше полгода. Да, учили на Базе молодняк на совесть, но это База. Не то, что тут, где возможностей напахаться за день, да так, что валишься с ног, просто предостаточно. Поэтому отчасти он остался доволен, оказавшись в компании с молодежью. Посмотреть, как будут себя вести, когда вокруг пустая степь, чернильная и ночная. Понять, как станут ощущать ответственность за мирно спящий отряд, поймут ли, что от них зависит жизнь трех с лишним десятков братьев и сестер. Хотя бы просто уловить какие-никакие наметки характеров тех, кто должен войти в его семью на правах полноценных ее членов. Как без этого? Его самого приняли в отряд без обязательной сдачи нескольких экзаменов, из которых два были просто убийственными. И доверяли с того самого момента,

когда вошли в подземелья. А вот этого, несмотря на несколько лет на Базе, надо проверять. Пока каждый в отряде не станет считать его полностью своим.

Змей подошел, но садиться рядом не стал, прислонился спиной к металлу борта. Енот спокойно и безразлично смотрел на него, ждал что скажет. Рассматривал, пытаясь сложить в голове какое-то первое впечатление. Пусть и темно, на зрение Енот не жаловался. Да и специалисты на Базе не зря свой хлеб ели. Использовали врожденные особенности организмов чистильщиков, доводя их возможности до самых лучших результатов. Енот, например, ночью стал видеть намного лучше.

Высокий, худой, светловолосый, патлатый. Последнее немного странно для чистильщиков, ходивших под руководством Тундры, но Инженер вопросов к внешности своих подчиненных не задавал. Вот и у этого спереди еще коротко подстрижено, а сзади, спускаясь на затылок, волосы торчали непокорными клоками. Лицо вытянутое, сужающееся к подбородку, нарочито небритое, с бородкой, неравномерно вылезшей и смотрящейся смешно. Комбинезон, покрытый сплетением камуфляжного хитрого рисунка, кое-где обвисает, оно-то немудрено. Мышечную массу не набрал еще из-за возраста, а Мамачоля хоть и кормит на убой, но в поле не отъешься. Шлем висит на сгибе правой руки, свободно и непринужденно, это хорошо. Заметна выучка инструкторов, несмотря на «научное» направление основной стадии

обучения. Черная кожаная кобура на правом бедре закреплена именно так, как требуют все инструкции, пистолет сидит как влитой. На ремне через грудь, виднеясь срезом ствола, на правом боку висит «трещотка» с торчащим карандашом стального цилиндра ночной подсветки. Не придерешься, одним словом.

– Мне где нужно будет находиться? – Змей додумался первым прервать затянувшееся молчание. – Мерлин сказал, что ты объяснишь.

– Объясню. – Енот встал, одним плавным движением приподнявшись за счет усилий бедер и голеней. – Пошли. С Ханом ты знаком?

– В смысле? – паренек явно опешил. – Это же собака...

– Ну... – Енот хмыкнул. – Так-то ты прав, конечно. Только собака-то не самая обычная, понимаешь? А еще нам с ним караул всю ночь нести. Знакомиться будешь?

Змей вздохнул, зыркнув на него растерянными глазами. Про себя Енот широко и довольно улыбнулся. Вполне понимал этого парня, старше которого от силы года на три. Учиться, сдавать один за другим выматывающие зачеты, почувствовать себя, наконец, не просто школяром, хоть и не обычным. И оказаться среди тех, кто уже давно забыл теорию и занимается только практикой. И понять, что все, бывшее таким правильным и строгим на Базе, здесь оказывается не таким уж и нужным.

Что даже вот эта собака оказывается не просто животным

кинологической службы, а таким же, как и он, человек, членом отряда. И неизвестно, кто из них двоих лучше, к слову. А почти ровесник чистильщик, которого сегодня прилюдно, говорят, распекал Мерлин, рядом с ним, вчерашним выпускником, кажется ветераном, видевшим очень многое. Змей еще раз вздохнул и присел, оказавшись на одном уровне с широкой вытянутой мохнатой мордой. Протянул руку ладонью вперед, замер в десяти сантиметрах от чуткого и большого черного носа.

Хан втянул запах нового человека, который до этого момента лишь осторожно и чуть опасливо проходил мимо. Потянулся вперед мордой, чуть коснулся ладони, посмотрел на своего друга и одобрительно рыкнул.

– Ну, вот и все. Теперь точно пошли. – Енот повернулся и потопал в сторону одного из двух отрядных «жнецов». Пес неторопливо пошел за ним, дождавшись Змея.

Глава вторая: ночь, некто, большой и опасный, а также странный разговор

«Каждый воин, тот, что истинный боец,
должен любить саму суть войны.
Если же он говорит о мире,
то он не воин, а лишь пустой звук, не достойный
ничего, кроме позора. Или смерти»

Из наставления

«Biblionecrum», гл. «Война».

M.A. Erynn, ph.d., Culto Nocto

Енот прошелся по кругу, проверив обоих молодых, посаженных на двух самых высоких точках кольца из транспорта. С башен броневиков, стоявших по верхним углам неровного ромба, степь просматривалась неплохо. Приборы ночного видения, с исправными, хоть и самодельными, аккумуляторами, работали хорошо. Енот проверил один, забрав его у Ската. В его панораме, мягкого зеленого цвета, с редкими светлыми полосками, степь лежала как на ладони. Мелькнувшие приземистые силуэты стаи волков показались практически белыми. Один зверь, скорее всего вожак, задержался, втягивая воздух, принюхался. Лежащий на земле у ма-

шины Грей, громадный серый дог, заворчал. Не зло или вызывающе, скорее, предупреждая. Люпус не ответил, только блеснули глаза в приборе, и зверь скрылся в траве. Пес снова опустил громадную голову на передние лапы и замер истуканом. Пока все было тихо и мирно.

Люди в палаточном городке, находившемся внутри машин, спокойно спали. Через полтора часа должен появиться Первый, сменить Енота и привести еще двоих часовых. Его близнец, Второй, за половину человеческой жизни которого врачи на Базе бились около года, пока оставался ребенком. Несколько попаданий в голову не прошли даром. Кибернетически-двигательная часть восстановилась намного легче, мозг приходиться себя не желал. Так что... так что Первый здесь, в степи, сражался один. И было совершенно неизвестно, присоединится ли к нему брат.

Енот пошел в сторону Змея, очень умело спрятавшегося у башни «жнеца» Мерлина. Даже зная, где тот находится, рассмотреть его оказалось непросто. В чем, а в этом весьма хитром деле Енот разбирался хорошо. Самому много раз приходилось сидеть в секретах, и оценивать чужое умение он давно научился. Большая часть дежурства прошла спокойно. Да и подумать о чем-то нападении на отряд безумных убийц чистильщиков? На этом участке, не входящем в Великую степь, таких героев не находилось. Чуть дальше на юг или юго-восток спокойно отдежурить вряд ли вышло.

Степняки, люди и не совсем, не смогли бы перебороть в

себе желание взять богатейшую по их меркам добычу. Машины, оружие, боеприпасы, запас горючего в большом, закрытом стальными пластинами и прямоугольниками активной брони, автомобиле с цистерной. Велик куш, не выдержит жадность.

Здесь же, в непосредственной близости с густонаселенными городками по тракту, никто не рискнет. После того, как один из отрядов, когда-то давно, уничтожил целую банду, убившую девушку-чистильщицу, слава идет впереди них. Не теряясь в дорожных байках и не стираясь из памяти. И банды стараются не попадаться на пути тех, кто кровью и болью целой шайки заплатил за одну забранную жизнь.

– Все нормально? – Енот посмотрел туда, где чуть виднелись складки плащ-палатки, в которую завернулся хитрец Змей.

– Да, – тому удалось обмануть даже его, голос раздался совершенно с другой стороны. – Ничего подозрительного. Ночь... такая, знаешь.

– Какая?

– Да черт его знает, как толкает изнутри что-то.

– К Айболиту сходи, – Енот потер щеку. – На выезде глистов подхватить легко.

– Да не... – Змей, судя по голосу, расплылся в улыбке. – Не в этом смысле. Читал Авиатора Зорона?

– Кто это?

– Поэт... ну, во всяком случае, пишет хорошие стихи. На-

деюсь, что пишет. Его запретили в Эмирате, мне как-то случайно книжка попала, название смешное такое, щас...

Книжка ему, ага. Енот вздохнул. Бумаги в Альянсе, не говоря про Пустоши, не хватало. А вот в Эмирате, судя по всему, хватало даже на издание стихов, эвон как.

– Во, вспомнил! – Змей на радостях чуть не завопил, но вовремя опомнился. – «Небо цвета сгоревшего пороха» называется.

– Да уж. – Енот попытался представить себе такое небо, все из себя сизо-серое, с черными легкими полосами. Такое небо ему не особо понравилось. – Романтичное название, ничего не скажешь. Пошли службу нести уже, романтик.

– Ты послушай, – в голосе Змея он услышал... просьбу? – Немного. Мы же все включили по периметру, если что, так завоет, мама не горюй!

– Быстрее давай, да? – Енот покосился на Хана. Пес сидел спокойно, привалившись боком к ноге друга. Ну и хорошо, значит, пока вокруг никого нет. Мохнатому чудовищу Змей доверял чуть больше, чем всем хитрым датчикам Инженера вместе взятым.

Змей кивнул, шепотом выпустив рвущиеся наружу чьи-то строчки. Енот вздрогнул после первых же слов, так неожиданно в точку попали слова неведомого Зорона:

Я сидел под луной.

Я плевал в темноту.

Это было весной.

Я увидел звезду.

Она падала вниз.

Я подумал тогда

Что теперь моя жизнь -

словно эта звезда.

Я сидел в тишине.

Меня завтра ждал бой.

И казалось все мне

Что я стану звездой.

Оба чуть помолчали, потом Змей сразу же пошел к своему посту. На ходу, отойдя на пару метров, обернулся к Еноту:
– Ну как?

Енот только одобрительно кивнул, не надеясь, что Змей

поймет, и двинулся к небольшому костерку, разведенному в середине неровной площадки лагеря. Невысокий сухой кустарник, наломанный скучающим Варягом перед охотой, тихо потрескивал в специально отрытой яме, не выдавая себя отблесками. Запах дыма было не скрыть, но с костром оказалось намного уютнее. Хан внезапно насторожился, вздыбив шерсть на загривке.

– Ты чего? – Енот непонимающе посмотрел на пса. Тот еле слышно зарычал, напряжился, двигаясь вперед. Подумав, чистильщик положил руку на «трещотку», перевесив ее удобнее. Пусть и ни одна из других собак даже не подала голоса, но Хану он доверял. Все возможно, но здесь, внутри? Подходя к костерку, еле заметному только по слегка отсвечивающему красноватому пламени, причина настороженности пса стала ясной.

Виднеясь тенью, неясной, плотной и черной, возле костра кто-то сидел. Странно, что Хан никак не отреагировал на него, кроме одного единственного взрыкивания. Сам силуэт, манера посадки на чурбак, а не на землю, не казались знакомыми. По спине острой иглой закололо нехорошее предчувствие и Енот сбавил шаг. У костра находился чужак, и пусть глупо, но очень сильно захотелось оглянуться и понять – нет ли еще кого? Стрелять не пришлось. Со стороны палатки, в которой спала группа Мерлина, раздался как раз его мерзкий голос:

– Не журишь, Енотище. Ты, конечно, второй раз за сутки

сильно опростоволосился, но тут я и в себе не уверен, что смог бы его заметить. Этот господин всегда появляется незаметно.

– Но заметил ведь... – голос был ровный, с небольшой хрипотцой, немолодой. – Совсем старый стал, раз ты уже здесь и не спишь.

– Я просто бросил курить, Бирюк, – имя раздалось резко, как выстрел из карабина. – А твой запах для меня никогда не был загадкой.

– Ты только подумай... – Человек неторопливо встал. – Одна польза от этого. Здравствуй, брат.

– Здравствуй.

Енот молчал, понимая, что снова попал. В этот раз серьезно. Пусть Мерлин и говорил, что сложно заметить этого, Бирюка, но легче не становилось.

– Енот? – человек повернулся в его сторону. Он оказался ниже Мерлина, но намного шире, кряжистее. – Ты чего там встал, паренек, иди сюда, хоть познакомлюсь с кем из молодежи.

– Да он уже не молодежь. – Мерлин усмехнулся. – Молодежь сейчас ужасно скрытно тaitся у тебя за спиной.

– Куда там, тaitся. Эй, горе воин, хватит в меня целиться, я свой. Иди на пост, не переживай. Неси службу бодро, ничем не отвлекаясь, и не пропускай больше никого. Если скажут, что со мной, не верь. Сразу вали насмерть. И не забудь про контрольный звонок.

– А?

– Тьфу ты, бестолочь. Контрольный звонок в голову, ага.

В темноте мелькнула фигура Змея, на самом деле подкравшегося незаметно. Енот неожиданно для себя позавидовал. Он-то его не рассмотрел и не расслышал, как ни странно.

Рукопожатие у Бирюка было крепким, на миг Еноту даже стало больно, так сильно сомкнулись клещи. Показалось, или нет, но на какое-то мгновение на лице прищельца, обманувшего и псов и его, промелькнула ухмылка. Такая злая, совсем мальчишеская. Мол: ну-ка, ну-ка, посмотрим, что ты можешь, пацан... Обиды прибавилось. В довесок к мерзко скребущей на душе после проникновения Бирюка в лагерь. Но сделал бородач это зря. Енот давно мог не только обижаться. Злости в нем тоже хватало. Мерлин не вмешивался, лишь смотрел на постепенно краснеющее лицо подчиненного и спокойного Бирюка.

– Неплохо, – хрипло буркнул тот, разжимая наконец свою клешню. – Очень даже неплохо.

– Всё такой же... – Мерлин покачал головой. – Ты ж по делу?

– Да так. – Бирюк достал из кармана пачку вовсе не самопальных папирос. Такие, с толстым картонным мундштуком и золотистым кольцом, привозили из Эмирата, если Енот не ошибался. Чиркнула фосфорная спичка, тут же закрытая широкими ладонями. – Хотя...

– Пошли к Капитану. – Лысый чистильщик развернулся.

– Не рано? – Бирюк глубоко затынулся сладковатым дымком. – Спит ведь.

– Лишь бы не поздно. – Буркнул Мерлин, и не думая оставался.

Старший группы шел по направлению автомобиля командира отряда. Енот подумал, и пошел назад, на пост. Тем более идти спать не хотелось. В компании великана Первого, чья медвежья фигура возникла в проеме между машинами, можно подождать до утра. И выспаться в дороге, после сборки лагеря.

– Хотя бы предупредил... – Капитан ворчал, шаря в ящике, спрятанном под поднимающейся кроватью. – Всегда у тебя все вот так. Свалился как снег на голову, потребуешь чего-нибудь. Потребуешь?

– Как всегда. – Бирюк ухмыльнулся, бросил на тумбу высокую кожаную кепи, провел рукой по блестящей в свете ночника бритой голове. Блики играли не на всей ее поверхности. Странного вида шрамов на ней хватало – Как тебе моя прическа?

– Хоть сейчас иди, сватайся, все невесты твои. Ага, нашел. – Командир отряда довольно крякнул, выпрямляясь. В руке у него оказалась прямоугольная бутылка из темного стекла. На красной этикетке, наклеенной нарочито небрежно, шла косая белая надпись – «Ячменное». Кэп вопроси-

тельно приподнял одну бровь, демонстрируя два относительно чистых стакана во второй руке.

– Ну... – Бирюк покрутил большими пальцами сцепленных ладоней. – Даже и не знаю.

– Как хочешь. – Капитан хмыкнул и медленно повернулся назад, к рундуку.

– Вот за что я тебя люблю, так это за умение убеждать. – Лысый бородач оскалился, изображая улыбку. Вышло не очень хорошо. Будь это на одной из летних ярмарок, проводимых у фермеров, не миновать ему драки.

– Угу... – Капитан повернул его кепку, рассматривая кокарду на тулье. Выкрашенную в черный матовый цвет ухмыляющуюся «адамову голову» понизу поддерживали две скрещенные кости. – Какая интересная у тебя цацка.

– Чего? – Бирюк проследил взглядом. – Положение обьявляет, так сказать, гильдейский знак. Или гильдийский?

– Да шут его знает. – Капитан не стал дальше интересоваться кокардой и вернулся к начатому занятию.

Широкое горлышко наклонилось над стаканами, забулькало. В воздухе запахло спиртом, но не резко, а совсем наоборот, смешавшись с привкусами трав, мёда и зерна. Стекло звякнуло друг о друга, отправляя янтарного цвета содержимое по назначению. Оба дружно выдохнули, закусили холодной курицей, отщипнув от лежавшей на тарелке грудки, оставшейся с ужина. Дверь позади Бирюка скрежетнула в петлях, пропуская Инженера и Тундру. В небольшом поме-

щении командирского отсека сразу стало тесно и душно. Но люк на стене Капитан жестом приказал не открывать.

– Употребляем, что ли? – Инженер качнул головой. – Просто так, или по делу?

– Какая тебя разница, а? – проворчал Бирюк. – Лучше бы закуски принес.

– Я и принес. – Он достал из сумки, висевшей на боку, пакет сухого пайка, хрустнувший металлической фольгой. – Не аврал, не тревога. Чего еще командир позовет? Или взгрустнулось, или новости. В любом случае надо закуски прихватить.

– Интересный разрез. – Тундра покрутил в руках брикет и неторопливо открыл. – То есть у нас есть такое вот сокровище, а парням приходится с собой банки таскать?

– Не ворчи. – Инженер достал из той же сумки еще два стакана. – Я на пробу взял. Состав нормальный, можно будет брать. Обмен...

– Это что ты такое пообещал, скажи мне на здоровье, а? И кому? – Капитан нахмурился, разливая по второй.

– Интенданту, в одной жандармской бригаде, хм... – Инженер поболтал жидкость в стакане, смотря на свет. – Средство от крыс, командир, такое... довольно технологичное. Совсем он замучался, жрут и жрут. Крупы два мешка за неделю, сахар... сгущенку. И даже обмундирование с амуницией.

– Сгущенное молоко прямо из банок едят? – спросил, за-

интересовавшись, Тундра. – До оружия не добрались?

– Пока нет. – Ученый опрокинул стакан. Поставил, интеллигентно занюхал отломленным кусочком галеты. – Ох, зараза, и крепкая. Со встречей, бродяга.

– У нас тоже крысы случались, на первой Базе. – Бирюк отсалютовал стаканом вновь прибывшим. – Помнишь, Кэп?

– Помню. – Капитан достал сигарку, погрозил кулаком Инженеру и задымил. – Как не помнить-то?

– Травили? – Поинтересовался Тундра, не ужинавший, и сейчас налегающий на колбасу из сухого пайка, сразу нарезанную кружками.

– Вешали, в основном, – командир пожал плечами. – Иногда с подопытными Профа бои устраивали. Выигрывали – пристреливали, чтобы не мучились.

– Эхма, были же времена... – Бирюк грустно покивал головой. – Старые, добрые жестокие времена. Совсем мы с тобой постарели, да?

– И не говори... – Капитан отставил стакан. – Рассказывай.

– Чего? – Бирюк ухмыльнулся. – Давай по третьей, а там и расскажу. Хорошо у вас, эх, прямо как дома.

– Алкоголизм болезнь! – Инженер поднял вверх палец, уставив его в потолок. – С другой стороны, опять же, нервы...

– Давайте. За братьев. – Тундра налил еще, переглянулся с Капитаном и убрал бутылку, в которой оставалось еще чуть

меньше половины. Выпили, закусили. Трое развернулись к лысому бородачу со шрамами на голове. Бирюк покосился на Капитана и, порывшись во внутреннем кармане, достал огрызок сигары. Видно, для разнообразия, и тоже задымил, несмотря на недовольство Инженера.

– Я узнал про вашу экспедицию, когда работал у Камня. Перед этим пришлось мне торчать в Челябине, ждал новостей. Тут смотрю, поезда начали приходить. Сперва один в неделю, потом, чтобы мне пусто было, ажно целых три. И все полные, пассажиры, товар. Я удивился еще больше. Думаю – как же так, в чем дело? Начал узнавать, что да к чему. К вечеру все стало ясно, ну и отправился сюда. Искать дольше пришлось, чем добирался. К слову, господа, а поезда-то хороши. Та помойка, в которой я ехал, ничего так, даже клопов нет.

– Это все хорошо. – Капитан откинулся на стенку за спиной. – Ты чего приехал? Ведь не попить с нами крепкого и спиртного?

– Вот ничего от тебя не утаишь, Капитан, на то ты и командир. Прямо рентген, не человек, насквозь видишь. Не то, что я... Не просто так, конечно. Ищу тут кое-что... вернее сказать, кое-кого. Знать бы только – точно ли это те самые товарищи, и где их искать. Давно лопачу слухи, враньё да деревенские сплетни, братцы, очень давно. И сдается мне, что вы тоже скоро копать начнете.

– Чего это тебе все что-то кажется и сдается-то? – Кэп по-

хрустел щетиной. – Мы тебе вроде ничего не говорили еще.

– Ну да, ну да. Прирученное зверье встретилось? – Бирюк уставился на Инженера, ожидая ответа именно от него.

– Прирученное. – Тот задумался. – Даже не просто прирученное, понимаешь?

– Управляемое?

– Да. – Капитан ответил за помощника. – Ты сталкивался с такими? Где, когда? Почему я ничего не знаю?

– Сколько вопросов и все сразу. – Бирюк зверовидно улыбнулся. – Сталкивался, два раза. Один раз недалеко отсюда, на границе с Эмиратом. Второй раз у Камня. Когда... погоди, дай вспомнить. В прошлом году и в этом, перед самым Рождеством. Потому и торчал у Камня, все там исполнил, что мог. Что не мог – тоже. Только у меня не стаи встречались, так, по одному. Зато вам уже два раза везет на таких интересных объектов, да?

– Не то слово везет – Капитан сплюнул. – Так почему я ничего не знаю?

– А что ты меня спрашиваешь? Я все отправлял на Базу, сразу как закончил работу. Думаешь, у меня все так просто, Капитан? Это вы приехали, расположились, честь вам да почет. Работай, не хочу, а у меня знаешь, что?

– Что?

– Я дорогой ты мой друг, охотник за головами, если что. Шляюсь везде, где можно, работаю то на Альянс, то на ребят из купеческих гильдий. Прикрытие вроде ничего, но вопро-

сы возникают. Когда завалил, помню, стаю волколаков, так меня к мэру вызвали. Тот и завел шарманку: откуда, зачем, почему полез не в свое дело, сколько денег хочешь. А, может быть, останешься, что нам на чистильщиков тратиться. То же мне, экономай. Заломил денег столько, как будто за мной целый отряд. Прикинулся дурнем, типа наугад все делал, и повезло, серебро сам купил и пули отливал. По дедовской, типа, методе. Отстали вроде. Теперь если что и делаю, так исключительно для знакомых и за большие деньги. А просто так, ни-ни.

– А кто тогда весной привалил трех морфантов у Белоречья? – Тундра кашлянул в кулак. – Не твоих рук работёнка?

– Ну... – Бирюк ослабил. – Было дело, отрицать не буду. Так это так, для удовольствия. И для тренировки, что бы шноровку не терять.

– Ты свои удовольствия хоть согласовывай, – буркнул Капитан. – Мерлин тогда очень злой вернулся. Все порывался задержаться и отыскать конкурента.

– Вот щегол, ты посмотри, а?! Всё норовит старикам напакостить.

– Ты не отвлекайся. – Капитан нахмурился – Говоришь, что там странное нашел?

– Странное? Нет, Кэп, не совсем. Всего делов то, на самом деле, заставить человекоподобного боевого морфанта не просто убивать крестьян на дороге, когда те с базара едут. А полностью потрошить все тюки и уводить лошадей. Пони-

маешь, ведь, знакомо? Вот и мне стало интересно – как такое вообще возможно? И, представляешь, нашел, нашел следок этих гаденышей.

– Где? – Капитан чуть наклонился вперед.

– А не так и далеко. Вот только вам туда не попасть.

– Почему?

– Ты слышал про город боевых мутантов на окраине степи?

– Это бред. Последнее поселение солдат Полночи мы уничтожили, сам знаешь когда. Про что ты сейчас говоришь? – Капитан снова откинулся назад. Покачал головой. – Не знаю, брат, не знаю. Ложный у тебя след, как мне кажется. Концы в Эмирате, та скотина, что организовала мятеж два года назад у шахтеров, внедрилась оттуда.

– Кому ложный, кому и настоящий. Ты не забываешь, что я здесь живу? – Бирюк хрустнул суставами пальцев. – И мне лучше знать. Говорю здесь, значит здесь.

– А почему мы не можем туда пойти, если ты прав? – Тундра перестал жевать. – Что сложного? Или ты, в самом деле, считаешь, что там целое поселение?

– Там целый город, Тундра. – Бирюк почесал мочку уха. – И я туда смогу пробраться. Вот тут мне ваша помощь и нужна.

– Какая?

– Два человека. Желательно молодых, выдам за своих учеников, так сказать, подмастерьев. Заказ у меня на одного

хмыря, имеющего с ними дела. С ним смогу подобраться, разведая. А там посмотрим. Поможете?

– Однако... – Капитан чуть повел головой вбок. – Хороша просьба. Зачем тебе люди, и почему именно ко мне обратился? Не проще на Базу написать запрос? Или...

На миг повисла гнетущая тишина. Просьба не выглядела странной, не была из ряда вон выходящей. В ней проглядывала лишь одна неувязка, крошечная такая неувязочка. Бирюк отрицательно покачал головой на вопрос. Нет, он не посылал запрос, не говорил ничего тем, кому должен доложить первым. Это куда как странно, даже больше чем стая управляемого зверья, созданного с применением погани Прорыва. На лице Капитана тени четко прорезали морщины на нахмуренном лбе. Инженер кашлянул, крутя в пальцах очки. Тундра сидел спокойно, массируя поврежденную ногу, видимо ноющую.

– Не писал, брат. – Бирюк помял в пальцах папиросу. – И не думаю пока этого делать.

– Причины? – Капитан уставился на него.

– Что-то не так, брат, на Базе снова впору разбрасывать отраву. От кротов.

– Думаешь, что говоришь?

– Даже больше, чем необходимо. После бойни у шахтеров, что было сделано? Да ничего. Не перебивай, Капитан, не стоит. Подожди, выслушай, подумай. Ты положил столько людей, наткнулся на абсолютно новый вид. Доложил в КВБ

и на Базу. Было расследование? Нет, не было. Я это знаю. И вы трое тоже. И Мерлин, как подозреваю. А должно было бы быть. А что вышло? Отдых, пополнение, и новые экспедиции, охоты, засады, зачистки. Сколько раз ты делал запрос, прежде чем тебе дали понять о молчании? Два, три раза, наверное.

– Пять... – Капитан устало провел ладонью по лицу. – Вместо шестого мне пришел документ за печатью КВБ и подписями совета. Вернулись на Базу, сразу пошел к ним. Разговора не получилось. Мне очень доступно объяснили мои задачи. Твою мать, мои задачи... А что мне оставалось делать?

– Бросай, Кэп. – Тундра положил руку ему на плечо. – Я тоже пытался кое-что узнать. Мне не так мягко объяснили. И даже не намекали. Обидно, блин...

– Теперь понимаете? – Бирюк полез в карман своей серой, длиннополой куртки из грубого материала. Достал небольшой кожаный складень, открыл, положил на стол несколько металлических маленьких пластинок с сеткой рисунка по одной стороне. – Инженер, ты видел похожие?

– Да... – ученый взял одну в руку, нацепил очки и покрутил пластинку на свету. – Последний раз сегодня, во время вскрытия. С твоих трофеев?

– С них самых. – Бирюк еще раз хрустнул пальцами, извлек из кармашка той же куртки серебряную, тускло блеснувшую зубочистку, прикусил. – Потому ничего и не пишу. Из-за всего этого непонятного и неясного состояния приехал

к вам. Наша основная задача в этом мире вовсе не в тупом уничтожении отличающихся от принятых норм людей и зверья, так?

– А то мы не знаем. – Тундра поморщился, поменяв положение. – Не удивил, я помню, что говорил присягая. Капитан, что скажешь?

Командир отряда молчал, глядя на затертый пластик своего древнего откидного столика. Открыл люк окна-иллюминатора, отодвинул бронированную ставню.

– Ты вернешь ребят?

– Как сложится. Обещаю, брат, что постараюсь присмотреть и не дам подохнуть просто так.

– Весомые аргументы, ничего не скажешь. В общем, поступим так...

Капитан открыл свою сумку-планшет, висевшую в изголовье кровати. Достал карту, затянутую в пластик. Разложил на столе и поднял глаза на Бирюка:

– Где находится то место?

– Вот здесь, – длинный палец с широким и покатым ногтем обвел участок километров в сто радиусом. – По моим данным где-то здесь.

– Связь в самом крайнем случае...

– Нет, – голос бородача резанул по ушам. – Никакой связи, здесь нельзя. Либо в очень крайнем случае. Маяк сможете дать?

– Сколько километров? – Инженер посмотрел на карту. –

Так... а рельеф тут очень сложный. Значит, если учесть завышенные помехи и пересеченность местности, то получится следующее. Нам надо находиться или здесь, или вот тут. Иначе толку от маяка, как от козла молока. Не возьмет. Волны пойдут с искажением. Станцию с собой придется брать, нашу, недавно собрали. Бегущей волной может передавать, о, как!

– Все, хватит, понял, что ты сам и твои ребятки настоящие молодцы. – Капитан посмотрел на карту. – Мы же вот здесь возвращаться будем, так, Тундра?

– Так... – Помощник кивнул.

– А ведь здесь запросто может возникнуть стая волколаков, к примеру? Сколько у тебя неучтенных шкур по закоулкам зашхерено, штук восемь, наверное? Ой, ну вот только не строй из себя послушницу обителю непорочной Виргинии, а? Значит так...

Капитан хмыкнул, задумавшись. Трем людям, сидевшим вокруг него, не нужно лишний раз ничего объяснять. Командир отряда был одним из первых чистильщиков, пришедших в вновь создаваемое братство. Он не принимал важные решения, не отвечал за большие задачи. Но Капитан в свое время, вместе с еще несколькими десятками таких же, как он, простых бойцов, тогда еще почти мальчишек, шел на верную смерть. Ради странной, кажущейся многим глупой, цели. Сохранить остатки того мира, что они потеряли из-за чужих ошибок. И сейчас, стоя во главе отряда, пройдя через

многое, натолкнуться на возможный обман среди людей, которым он доверял безгранично?

– Значит так... – повторил он. – Мы задержимся вот здесь. Тут много пасек, бортников всяких и прочих шмелеводов. Пуганем местных, это твоя задача, Тундра. Инженер, подтвердишь в сообщении об обнаружении стаи, благо один из Прорывов, латентных, рядом. Мы сможем проторчать там неделю, не больше. И, значит, у нас выходит почти десять дней. Три дня вот до этой точки, и еще семь... хватит, Бирюк?

Тот пожал плечами:

– Думаю, хватит. Хотя бы что-то узнаю, и то хорошо. Но, если что, пойду в сам город. А там уж как получится, сам понимаешь.

– Вот и ладушки. – Капитан дернул щекой, хищно улыбнулся. Глядя на него, вновь ставшего прежним, жестким и целеустремленным командиром, остальные чуть расслабились. – Тундра, подбери людей.

– Нет, неверно. – Бирюк ухмыльнулся.

– Чего неверно? – Капитан непонимающе посмотрел на него.

– Один мне нужен из хозяйства Инженера. Чего ты вскинулся? Там не только стрелять придется. Нужно будет разобраться в чем-то на месте, кого мне просить? Жалко, что ли?

Ученый нахмурился, открыл рот, закрыл.

– Файри не дам, даже и не надейся.

– Дашь-дашь, никуда не денешься. Вон, попрошу Капитана, и сам всучишь, в красивой коробке и с ленточкой, как миленький. Хотя... ты знаешь, я эту безумную стерву не возьму. Не хватало мне еще из-за нее встречать в неприятности, а так оно и будет. Есть пацаненок какой-нибудь, чтобы стрелять уметь, с каким-никаким опытом?

– Есть... даже два, – стало заметно, что Инженеру стыдно. Но вздохнул он с облегчением. – Сам выберешь, или мне доверишь?

– Тебе, я-то их не знаю.

– Хорошо. – Тот утвердительно кивнул. – Будет тебе пацаненок.

– Вот и славно. – Бирюк посмотрел за окно, где начинало светать. – Где поспать можно?

– А экипировку, транспорт? – Тундра недовольно засопел. – Какой спать?

– Утром, утром. Я больше двух суток на ногах, брат. Дай отдохнуть.

– Ладно. Капитан, я его заберу тогда с собой?

– Ага, забери. Инженер, останься.

Когда дверь закрылась, Кэп лег на кровать, закинул руки за голову:

– В людях Тундры можно быть полностью уверенным, не сдадут. А в твоих новичках?

– Не знаю. – Инженер потянулся и зевнул. – Смотрю, наблюдаю. Я бы их попробовал загипнотизировать, но сам по-

нимаешь, на Базе этим куда профессиональнее занимаются.

– Да ты не скромничай, профессиональнее они гипноти-зируют... Официально на отряд сливает информацию Тунд-ра, но ведь явно не он один, согласишься?

– Ну да.

– Значит надо придумать легенду, да такую, чтобы все по-верили. А то, как так, раз и пропали два человека, и ни слу-ху, ни духу. Да еще и незнакомый многим Бирюк.

– Кто кроме Мерлина и Варяга в отряде его знает?

– Да, пожалуй, что Файри твоя, Ган... – Кэп задумчиво уставился в потолок. – А мысль, Инженер, мысль. Пойдешь, предупреди Тундру, чтобы он своим сказал, мол, пусть сде-лают вид, что незнакомы с ним. И узнай, кто, Скат или Змей, сможет понять, что это не так. Может, и успеем чего понять и решить, утро вечера мудренее.

– Хорошо. Я пойду тогда.

– Ага, давай. – Капитан прикрыл глаза.

– Ты это... – Инженер остановился.

– Чего?

– Зайди утром в медблок. Есть у меня подозрение, что ты переходил в ботинках. Грибок штука неприятная, и ненуж-ная.

– Сволочь ты, Инженер. Хоть и интеллигентная.

– Я знаю.

Енот все-таки заснул так, как мечталось. Часа за два до

рассвета, когда Первый прямолинейно указал, что одному ему дежурить интереснее, Енот забрался на броню. Расстелил спальный мешок, плотный, не дающий замерзнуть от остывшего металла под спиной. Посмотрел на звезды, думая про утро и не заметил, как провалился в сон.

Снилась какая-то ахиня, в которой фигурировал грозно смотрящий на него заместитель командира отряда Тундра, распекающий его за все промахи и отправляющий смывать позор на кухню. Рядом стоял радостно гоготающий давешний бородатый нарушитель, по какой-то непонятной причине нацепивший зеленый фартук из комплектов медицинского блока. В руках он крутил мерзкого вида клещи-гвоздодеры оружейника Гана и кровожадно щелкал ими. Откуда-то Енот знал про добавочное наказание. Ему должны были перед позорным изгнанием на кухню удалить зуб. Без наркоза. Проснулся он как раз в тот момент, когда его вежливо и настойчиво попросили открыть рот. И еще рядом стояла Файри, глядящая его по голове и уговаривающая не спорить и слушаться. Открыв глаза, машинально проверил языком наличие всех зубов. Сел, непонимающе уставившись перед собой.

Вместо панорамы степи, ставшей такой знакомой, перед глазами болтался взад вперед какой-то серый кисель. Только сейчас стала ощущаться неожиданная сырость, пропитавшая сверху одежду. Сразу же стало неприятно, хорошо, что хоть нижнее белье осталось таким же теплым и сухим. Верхний

слой комбинезона не пропустил внутрь мерзкую влажность, которую Енот совсем не ожидал ощутить поутру, проснувшись. Каверза Степи вышла очень уж неожиданной и негаданной. На какой-то момент все ее очарование, так сильно захватившее его, начало тускнеть, сворачиваясь в грязную половую тряпку. По щеке мягко мазнуло чем-то свежим, колыхающаяся завеса дернулась, разрываясь пополам, и еще и еще. Ветер начал разгонять серые и низкие тучи, громоздящиеся одна на другую.

Сбоку кашлянули. Енот повернул голову и увидел Мерлина. Тот стоял, привалившись к боку броневика, и щелкал маленькими ножницами, равняя ногти. Солнце-то уже встало, ладно хоть не светило прямо в глаза. И он проспал, хотя, ему вроде как положено после дежурства. Енот сел, задумчиво почесав в затылке.

– Сон плохой? – Мерлин с интересом уставился на него.

– Почему так думаешь?

– Да ты зубами скрипел и ерзал, как будто на муравейник голым задом сел. Вставай, Енотище, и пошли получать наказание.

Твою мать! Енот покачал головой и занялся спальным мешком. Мерлин терпеливо дождался окончания его хозяйственной операции, аккуратно полируя ногти пилочкой. Хороший признак, ставший знакомым за два года. У невозмутимого старшего штурмовой группы отряда недавно появилась новая женщина. К женщинам Мерлин предпочитал яв-

ляться сразу чистым и ухоженным. Енот был уверен – в запасном рюкзаке у того уже давно готов чистый комплект одежды. С броневика и на бал, одним словом. Вот только наказание...

– Енот. – Мерлин шел рядом, не отрывая глаз от правой ладони. – Ночью ты не слышал никакого разговора, и никто к нам не проникал. Ты мужика остановил и проводил ко мне, понял? И я с ним незнаком. Доступно изложил?

– Очень, – интересные дела, подумалось Еноту. – Для всех ты его не знаешь?

– Абсолютно. Давай, иди к Капитану, он тебя ждет.

– Завтрак там?

– В дороге поешь. Сухпай получишь вместе со всем остальным.

Енот остановился.

– То есть?

– Енот, ты сейчас уедешь. Есть задание, краткие инструкции получишь у Тундры, слушай, запоминай. Чего? Ты же сам хотел вроде как еще тут взад вперед погонять, нет?

– Хотел... Неожиданно просто.

– Не страшно. Так, я пошел, давай спальник, не хрен к командиру с ним переться. Да, твои вещи уже там. Змей! – Мерлин окликнул новичка, топтавшегося у дальнего конца капитанского «крузера». – Что стоим, кого ждем? Давай, заходи и не стесняйся. Я пошел, как закончите получать ценные указания от командования, постарайтесь зайти ко мне.

Мерлин хлопнул Енота по плечу, забрал тугой сверток из рук и пошел в сторону палатки, где у входа с шумом и фырканием плескался Толстяк. Енот посмотрел ему вслед, оценивая все услышанное и еще не понимая, какие можно сделать выводы. Осталось только подняться к Кэпу и разрешить собственное неведение. Змей подошел, но не решился первым подниматься по откинутой лесенке. Дверь открылась, выпуская наружу Тундру.

– Заходите, молодые люди. – Заместитель командира, по своему утреннему обычаю оказался насуплен и хмур. Зато, как и всегда, гладко выбрит и пах дорогим, привезённым с Портов, заграничным одеколоном. – Ну, Енот, и горазд же ты дрыхнуть...

Глава третья: сборы, начало пути и бешеные индюки

«Было сказано – не соверши плохого поступка,
не нарушь Заветов и не обмани.

Оставь это для Дома, для дома и близких.

С врагом следует воевать любым оружием,
ибо выигрыш есть жизнь твоя, Дома, дома и близких»

Из наставления

«Biblionescrum», гл. «Ложь».

M.A. Erynn, ph.d., Culto Nocto

Енот оказался на воздухе, но в голове не прояснилось. Задача, казалось бы, сложная. Но доверяют ее ему и совсем молодому, не нюхавшему пороха, Змею. И непонятному Бирюку, к которому Енот не испытывал пока никакого расположения. . . Да и немудрено, после прошедшей ночи. Нет, сомневаться не стоило, они оба постараются сделать все как нужно. Но Капитан так и не пояснил – почему отряд не может дожидаться подкрепления и отправиться на поиски с усилением? Только приказ, он и есть приказ. Пришлось выбросить из головы лишние и ненужные мысли, и отправиться к Гану, как указал Тундра.

– Странно как-то. – Идущий чуть сзади Змей прервал

молчание.

– Ты про что? – Енот оглянулся на него.

– Да все это странно. – тот пожал плечами. – Разве так надо поступить в таком случае?

– Ты не очень раздумывай. Капитан дал приказ?

– Да.

– Вот и исполняй, что тут лишний раз голову ломать. Не забывай про прикрытие, понял?

Змей, под нос, что-то недовольно буркнул. Енот остановился, заставив парня затормозить практически на ровном месте, застыв в смешной позе, чуть наклоняясь вперед и выставив руку, чтобы не толкнуть товарища.

– Послушай, Змей... – слова подбирались с трудом. – Я сам удивлен не меньше твоего. И честно, предпочел бы ехать в другой компании. Не потому, что чистильщик из тебя как из суслика домашний хорек. Мне ведь ничего про твою личность непонятно и неясно, ты уж не обижайся. Но разве возмущаюсь, задаю нелепые вопросы из-за сомнений? Нет, не задаю, хотя у меня их предостаточно. Давай договоримся...

– О чем? – Совсем молодому Змею явно нелегко удалось не вспылить во времятирады Енота. Еще один плюс в копилку хорошего отношения.

– Молчим, не задаем никому лишних вопросов и не выпускаем из вида это бородатое чудовище в кепке. А там посмотрим, что да как. Наше дело понятное, и это, прежде всего надо нашему Капитану. И всему отряду, а отряд наша с

тобой семья.

– Хорошо. – Змей хотел продолжить, но по плечу звонко хлопнула широченная пятерня. Бирюк подошел незаметно, и неизвестно, многое ли он услышал из их разговора.

– Чего до сих пор не в оружейке? – Черная борода торчала вперед, яростно и агрессивно. Странно, но в ней совсем не оказалось седых волос. Хотя Бирюк должен быть ровесником Кэпу, как минимум. – Нам торопиться надо, малышня. Так что давайте, раз-раз и оказались где нужно.

– А чего ты раскомандовался то? – Енот покосился на него. – Не рано?

– Лишь бы не поздно. – Бирюк уставился на него. – Хочешь поспорить по поводу моего командования, шкет?

– Пока не хочу.

– И правильно. Шевелите булками, малолетние, не хрен время тратить на ерунду.

– Ты им еще полный комплект носимой защиты всучи, Ган. – Бирюк чуть ли не хрюкнул от удовольствия. – И святающейся краской напиши сверху «я чистильщик, целиться в голову».

– Чего? – Оружейник недовольно нахмурился.

– Да того самого. Тундра, мы же все обговорили, в чем дело то? Эти двое пацанят едут со мной как подмастерья. В пустоши, к мутантам, степнякам, отмороженным ухорезам и прочей шелупони. Ты на меня посмотри и подумай – как и

что у них должно быть. Отрядные автоматы отставить, Ган, да ты чего? Там и боеприпасов то для них нет нормальных.

– А это? – оружейник достал из металлического ящика, утопленного в стену, новый ствол.

– Ну-ка... – Бирюк взял в руки автомат, очень похожий на тот, которым обычно пользовался Енот. – Даже номер есть и клеймо Ижевского оружейного заводе ЕИМ. Пойдет, если подумать. Кстати, два безруких обалдуя, кто из вас умеет стрелять из винтовки с прицелом?

– Ты, Бирюк, темп бы сбросил. – Тундра посмотрел на бордача неодобрительно. – Не хаами, пожалуйста, сверх меры. Чего ты на парней набросился, тебе с ними еще вместе сколько быть?

– Вот ты видишь, Тундра, что они оба стоят и молчат? Значит, есть из-за чего молчать, да, шпана? С сегодняшнего дня у вас настоящее обучение начнется, а не тот детский сад, который случился в вашей жизни до этого.

Енот непонимающе посмотрел на молчащего Тундру. Ну да, ночью и он сам, и Змей опростоволосились дальше некуда. Бирюк прошел в самый центр лагеря как к себе домой. Только что будет дальше, если сейчас хочется наплевать на все и дать ему в зубы?

– Вижу. Так Бирюк, ты прессуй все же поменьше. Змей, у тебя показатели по стрельбе ведь хорошие?

– Я ему потом на месте найду из чего стрелять. Сейчас выдай вон... да вон ту кочерыжку, – Бирюк ткнул пальцем в

сторону карабина со складным прикладом-рамкой. – Доедет.

– Куда? – Енот посмотрел на бородача.

– Куда надо. Одежду с обувью подобрать надо сейчас. Тундра, а у вас есть обычные вещевые мешки, или рюкзаки, купленные у кустарей? Не вся амуниция с Базы или со складов Альянса?

Заместитель Капитана задумчиво поскреб в затылке. Еноту, злившемуся на самого себя и задание, становящееся все более неприятным, хотелось ляпнуть что-то в ответ. И лишь чуть помолчав, приведя мысли в порядок понял – Бирюк прав. Один человек в экипировке войск Альянса опасности не представляет. Дезертир, недавний отставник, мало ли, затесавшийся в компанию охотника за головами. Двое же могут привлечь ненужное внимание к своим персонам.

– Хотя... – Бирюк посмотрел на Енота и подтвердил его мысль. – Вот этот за дезертира сойдет, само то. Ган, экипируй его чем хочешь, прокатит. Надо будет только подумать насчет легенды, кто, где служил, чего сбежал. И сделать документы, липовые, что, мол, в отпуске. Само то, даже денег платить не придется.

– Настолько все серьезно? – Молчавший до этого Змей заговорил.

– Начнут с твоей спины ремни клещами тянуть, вот тогда и подумаешь, серьезно или нет. Так... с тобой что придумать?

– Да чего с ним придумывать. – Тундра покачал головой. –

Останется в чем есть. Ну, ветровка, мало ли их по степи ходит? В дорогу возьмет вон тот карабин, как и говорил. Патронташ, сумку и нормально. Сразу и не поймешь кто такой. Волосы хорошо, что не короткие, не побреется пару дней, так совсем обрастет. Ладно тебе, Бирюк, где и кто за вами смотреть будет?

– Где? – Бирюк почесал подбородок. – А в Соробе и могут смотреть. Эти двое в городе не появлялись?

– Зачем в Соробу? – Тундра запнулся. – Ты же ни слова не говорил.

Бирюк пожал плечами:

– Зачем говорить очевидное? А... то есть вы не знаете на чем мы с этими двумя шкетами отправимся куда надо? Та-а-а-к, а скажите мне, двое из ларца, разные с лица, на конях ездить доводилось?

Тут Енот про себя взвыл. Не хватало для полного счастья только этого. Лошадей он не любил. За запах пота, за отбитые при скачке задницу и промежность, за низкую скорость. И оказывается, что в довесок к бородатому упырю, прибавляются лошади. Чудесно, прекрасно... да что там, просто замечательно.

Бирюк коротко и скотски гоготнул, глядя на вытянувшиеся лица обоих подопечных. Судя по всему, Змей верховую езду тоже не жаловал.

– Тогда понятно. – Тундра кивнул головой. – А вы чего такие недовольные, я не понял? На поезде вначале хочешь

проехать?

Этот вопрос предназначался уже Бирюку. Тот лишь кивнул и начал придирчиво заниматься вещами, как по волшебству возникавшими на длинном верстаке оружейника. Как все это добро умещалось в не самом большом отсеке Гана, оставалось только гадать. Енот подошел, понимая, что все богатство, громоздящееся на металлическом листе, предназначено для него.

Костюм из грубой и прочной ткани, выкрашенной в сероватый цвет. В таких чаще всего ходила пехота Альянса. Надежное и удобное обмундирование, с капюшоном, пристегивающимся по мере необходимости. Сапоги вместо привычных ботинок, хотя ботинки Енот не собирался оставлять. Свитер он возьмет свой, купленный на рынке в одной из экспедиций и лежащий в маленькой кучке его вещей, принесенных кем-то из ребят к Кэпу. А вот второй, войсковой, на всякий случай уже упаковывал в полученный тут же солдатский ранец.

Вместо разгрузочного жилета придется нацепить пусть и удобную, но все же кустарную конструкцию из кожаных ремней и брезентовых подсумков, в которые туго вошли четыре чуть изогнутых магазина. Перчатки, плотные, из шерсти и вторые, кожаные, давно вытертые, для верховой езды. Две пары шерстяных же чулок, толстых и высоких. Енот pokrutil их в руках, стараясь понять – зачем?

– Ну не портянки же тебе выдавать. – Тундра оценивающе посмотрел на высокие сапоги. – Хотя... Ган, у тебя не завалились?

– Не жалко, – широкие и длинные ленты из плотной ткани шлепнулись тут же. – Держи, братишка, помни доброту и заботу.

Бросалось в глаза, что Ган нервничал. На душе стало тепло. Енот успел давно сдружиться с рыжим весельчаком, никогда не унывающим и постоянно что-то делающим. Товарищ волновался за него, уходящего к черту на рога, в компании с не пойми кем и совсем зеленым собратом по оружию, как тут не переживать?

– Спасибо. – Енот похлопал оружейника по плечу. – Дашь гранат?

– А то, – четыре металлических яйца в рубленых рубашках добавились к стопке бумажных, чуть промасленных пачек с патронами. – Держи, Енотище, надеюсь, не пригодятся.

– Одевайся, время не ждет. – Бирюк прихватил две цинковых коробки с патронами к пулемету. – Жду вас на выходе. Змей, ты тоже не тормози, давай быстрее.

И ушел. Хам, кряжистый и опасный, по-крестьянски хозяйственно неся подмышками две тяжелых коробки с патронами. Бородатый мучитель, свалившийся на голову Енота и Змея, которому не говорил ничего против даже Тундра.

Хмурый, впрочем, как обычно, зам Капитана, проводил его взглядом. Повернулся к Еноту и Змею.

– На самом деле опыт, полученный с Бирюком, будет полезен всем. Но тяжеловато дастся, не отнять. Парни, вы же помните в чем задача? Это очень важно, так что делайте все, что будет необходимо. Даже если Бирюк прикажет танцевать посреди деревенской площади голышом, изгваздавшись в свином дерьме и в куриных перьях – так танцуйте. Хотя, надеюсь, что не доведется. Прощаться не будем, проводов устраивать тоже. Готовы?

– Да. – Енот успел переодеться и бросить снятую одежду и небольшой кожаный складень с личными вещами в ранец. Тот оказался добротный, толстой кожи, настоящее шевро, крашенный в коричневый цвет. Надежные медные замки, ремни по бокам и сверху, куда Ган уже приторочил спальный мешок и подложку для холодной земли. Вскинул ранец на плечи, поправил кобуру на правом бедре... удобно. Змей тоже успел снять все, что относилось к отрядной амуниции, оставив только тот самый незаменимый пистолет.

В руках он тоже держал снаряженный вещевой мешок. Ему-то проще, жилой отсек «научников» находился в этом же «крузере». Странно, но когда Змей вернулся к Гану, за дверью виднелся только Инженер. Ни Ската, ни Файри с Фростом, обычно находившихся здесь, он так и не приметил.

– Бывай, братишка. – Ган пыхнул неизменной самокруткой и протянул ладонь, сплошь покрытую точками от попаданий металла. – Вернись живым и невредимым.

– Бывай. – Енот пожал руку ему, Тундре и пошел в сторо-

ну выхода. На душе почему-то прокатилось что-то мерзкое. Они со Змеем уходили надолго, но все делали вид, что это не так. Как будто за домашним хлебом отправились съездить в ближайший поселок.

Сбежал вниз лестничке, за ним, не отставая, спустился Змей. В лагере было непривычно пусто. От транспортера Капитана доносились ругань и звуки загружаемых вещей. Что-то несколько раз лязгнуло. У грузовиков, все еще закрытых сеткой, натянутой по периметру походной столовой, виднелась кучка отрядных. Судя по муравьиному мельтешению с коробками, ящиками и выюками, там тоже всю происходила погрузка. Енот не стал задерживаться, памятуя про указание Кэпа. Быстро прошел в сторону узкого прохода между «жнецом» и «скаутом» Жука. Уже когда они подходили, с брони прыгнула высокая и подтянутая фигура. Мерлин, явно не дождавшись, решил проводить их, а из-за высоких колес выбрался Хан, отряхнулся и уткнулся в колени своего друга.

Таким вот незамысловатым образом, не сказав никому до свидания, Енот оказался за территорией лагеря. Бирюк, нацепивший из-за неожиданного похолодания свою серую куртку, ждал их около ближайшего взгорка, покрытого не отступающей перед осенью травой. Бородач чуть насмешливо окинул взглядами двух прикомандированных к нему чистильщиков и пошел за холм. Серый кисель уже полностью растащило резким ветром, дующим с северо-востока, и ви-

димось была хорошей. Хоть что-то.

Лошадей не оказалось. Также, как и мулов, ослов или неожиданных зебр. Вместо них, накрытая куском маскировочной сети, за холмом стояла довольно длинная и высокая машина. Угловатые, совсем несмазанные, как у «скаута», очертания. Никаких торчащих стволов, давно ставших привычными в пустошах. Когда Бирюк махнул им рукой и сам первый взялся за шнуры, сдергивая сеть, стало заметно, что и фонарей тоже не видно. Машина, обладающая формой неправильной трапеции, очень походила на шишку. От верха и практически по середину широких и высоких покрышек сходились лепестками стальные тонкие плиты.

– Сверните сетку. – Бирюк покопался в карманах куртки. – Эй, пацан, отойди от крыла, быстрее, быстрее давай.

Змей, пытающийся рассмотреть это чудо, недовольно зыркнул в его сторону, но приказ выполнил. И вовремя. Бирюк наклонился к заднему крылу чудо механизма, скрежетнуло, с легким свистом из невидимых углублений вышел воздух. «Лепестки» пришли в движение. Часть лишь наклонилась, втягиваясь под днище, но в основном металлические пластины пошли вниз, вставая с легкими щелчками в скрытые пазы. Вся трансформация заняла не более пятнадцати-двадцати секунд. Перед весьма удивленным Енотом стоял один из самых необычных экземпляров автомобилей, когда-либо им виденных. А повидать их, с момента вступле-

ния в отряд, ему пришлось достаточно.

Больше всего машина напоминала багги, взятые Капитаном в последнюю экспедицию. Но несущая база смотрелась длиннее, каркас, собранный из толстых труб и прямоугольников, выглядел более прочным. Вынесенная наверх его часть украшалась вертлюгой, в которой очень просто опознать крепление для пулемета. Сложившиеся пластины прикрывали пассажиров как минимум до уровня плеч. В кормовой части располагались, скорее всего, два плоских, плотно прилегающих к каркасу топливных бака, которые броневые «лепестки», сомкнувшись внахлест, защищали от попаданий пуль и более крупных снарядов. Над ними виднелась металлическая корзина, служившая багажником. Из нее Бирюк достал то, для чего захватил два цинка патроном.

«Гранит», двенадцатимиллиметровый длинноствольный монстр, с сеткой кожуха воздушного охлаждения, лязгнул, встав на положенное ему место. Бирюк оглянулся на Енота и Змея, застывших на месте:

– Чего стоим, мухи сонные, кого ждем? Енот, закинь цинки в багажник, возьми там короб, закрепи и заправь моего старика. Хотя нет, один цинк оставь в салоне. Возьми в багажнике зарядалку и мешок со звеньями. Пусть твой зеленый партнер удивит меня скоростью снаряжения ленты на ходу. Пустой короб внизу, под твоим сиденьем. Но, господин полоскун, тебе придется ехать стоя, оберегая и защищая нас. Понятно?

– Понятно. – Голоса обоих прозвучали в унисон.

– А чего мы такие невеселые, я не понял? – Бирюк осклабился. – Вас же не только что от мамкиной сиськи оторвали, чтобы так тормозить. Или я ошибаюсь? Быстро, быстро, мои юные обалдуи, живее перебирайте конечностями.

Енот полез внутрь. Бросил ранец на пол, сделанный из выкрашенных серой краской листов, держащихся на болтах. Перевесил за спину автомат, чуть не ударившись с непривычки о выступающие ручки «Гранита». В машине, несмотря на солидные размеры, было тесновато. Короб, неожиданно большой, с выдавленным посередине орлом, оказался тяжелым. Спасибо Мерлину за физическую подготовку и Гану за его уроки, которыми оружейник пичкал Енота при первой же возможности. Не пришлось тратить время, чтобы разобраться, что да к чему. С пулеметом этой системы знакомиться раньше не доводилось, но препятствием это не стало. Широкий металлический ящик уютно устроился на выступающей в сторону плоской платформе с ограничителем.

Подняв крышку, Енот протянул тяжелую ленту, чуть провисшую толстыми остроконечными снарядами. Гладкие и матовые головки блеснули красным. Про себя чистильщик только присвистнул, понимая, каким результатом может закончиться перестрелка для противника. Бирюк очень основательно подходил к проблемам безопасности. Неясным оставалось только отсутствие в экипаже машины постоянного стрелка. Ведь не мог же этот бородатый хам одновремен-

но и вести и стрелять. Но забивать себе голову ненужным и неуместным вопросом Енот не стал. Сам собой разрешится в свое время.

– Готовы, кадеты? – Бирюк, закончивший перекур, сел на водительское сиденье.

– Да. – Енот покосился на Змея. Товарищ уже вскрывал металл, орудуя длинной «открывашкой». – Можем ехать.

– Ну, поехали тогда. Енот?

– Что?

– Не вздумай отпускать пулемет, парень.

И он поехал. Машина у него работала как хорошие часы. С секундной задержкой, лишь только повернулся ключ в замке зажигания, автомобиль рванул вперед. Еноту пришлось ухватиться за дугу, где крепилась вертлюга, чтобы не упасть, и одновременно придержать пулемет, решивший описать красивую окружность. Если бы у «Гранита» это получилось – физиономия Енота украсилась синяком. В лучшем случае. В худшем могли вылететь зубы или свернуться набок нос.

Двигатель под длинным капотом мерно и ровно гудел, посылая машину вперед. Пыль стояла столбом, и только сейчас стал заметен черный тугой ремень, прижавшийся к затылку Бирюка. Бородач успел, пока садился и запускал двигатель, откуда-то достать и нацепить очки. Енот покосился на Змея, отчаянно сражавшегося со снарядами, подпрыгивающими с веселым звоном. Различил длинное и очень меткое ругатель-

ство, адресованное их водителю. Отпустить пулемет или дугу, на которой приходилось болтаться из стороны в сторону, казалось невозможным. Пришлось грубо и сильно пихнуть товарища в икру. В этот момент широкие покрышки на какое-то мгновение потеряли сцепление с землей, подпрыгнув на ухабе или сусличьей норе. Твердый носок енотовского сапога впечатался Змею прямо в лодыжку, наверняка попав по костяшке. Змей взвыл и чуть не взвился вверх, видно совершенно рассвирепев. И Енот его прекрасно понимал.

– Забавляетесь, мальчуганы? – Бирюк, несмотря на свист ветра и ревущий мотор, услышавший подозрительный звук за спиной, оглянулся. – Чур, драться только на остановке.

Енот не ответил, смотря на побелевшее от боли лицо Змея. Глаза «научника» сузились, хорошо, что тот не врезал ему в ответ. Но хватило ума понять – это все Енот придумал вовсе не для забавы.

– Чего лягаешься? – Змею пришлось кричать. – Охренел?

– Очки!

– Какие очки? – в голосе Змея проскользнуло искреннее изумление.

– Противопыльные, какие еще-то? – Машину снова подкинуло, зубы Енота лязгнули друг о друга – У меня в правом кармане ранца. Передний, под застежками. Две пары! Твою мать!!!

Последние слова ему пришлось практически проорать. Бирюк основательно поддал газку, заставив двигатель взре-

веть, и заложил крутой вираж, забираясь почему-то в сторону от тракта. Из-под колес вылетел целый фонтан из земли, выдранной с корнем травы и мелких камешков. В лицо Еноту со Змеем прилетела целая порция всего этого добра, заставив зажмуриться.

– Быстрее давай! – Енот подпрыгнул, лихорадочно вспоминая – плотно ли на стволе автомата сидит чехол. Его он нацепил по дороге от лагеря, действуя неосознанно, на въевшихся рефлексах. Ну, думать-не думал о мгновенном старте с места и не успел достать очки. А теперь только и приходилось, что жмуриться и опасаться гравия, летящего в глаза. На такой скорости ослепнуть ничего не стоит. Бирюка он начал ненавидеть. Чистой и незамутненной ничем ненавистью.

– Держи! – Змей, торопливо залезший в указанный карман, держал в руках очки. Его собственное лицо они уже закрывали, занимая ровно его половину. А вот как быть с ним, с Енотом?

Машину вновь потрянуло, Еноту захотелось плюнуть и сесть, чтобы нацепить, наконец, очки. Бирюк ткнул пальцем вбок. Пришлось посмотреть в ту сторону. От увиденного по спине пробежал целый табун мурашек. Несмотря на имеющийся опыт, такого ему наблюдать еще не приходилось. Сегодня что у него, что у неожиданного появившегося напарника, просто день открытий какой-то, ага.

Параллельно курсу автомобиля, с дичайшей скоростью, от которой их сильные и длинные лапы чуть ли не сливались в

смазанную полосу, к ним неслись громадные птицы. Да что там громадные... точное определение подобрать было сложно.

Торчавшие на макушке ярко алые острые перья рассекали воздух где-то на уровне верхних дуг бирюковского багги-переростка. И эти самые головы на согнутых толстых шеях, сейчас-то устремлены вниз, чтобы, наверняка, не мешали бегу. Острый киль груди, небольшие, плотно прижатые крылья, делавшие преследователей похожими на цыплят. Только вот смешно от этого не становилось. Слишком быстро эти птенчики неслись за скачущим по степи автомобилем. С невозможной даже для тварей Прорывов скоростью. Но ведь неслись, не отставая и пытаясь сократить расстояние. А ветер и пыль не давали рассмотреть подробностей.

– Одень мне очки! – Енот повернулся к Змею. – Быстрее, быстрее!

Тому пришлось вскочить, пока Енот взводил тугую пружину «Гранита». Время стало очень дорого. Кепка улетела под сиденье, ветер вздыбил волосы, еще сильнее резанув по глазам... Но ненадолго.

Змей натянул на голову Енота очки, выдрав несколько пучков волос жесткими краями. Маска прилегла к коже, давая, наконец-то, возможность нормально смотреть. Увиденное Енотом его ещё больше не обрадовало. Впереди, мелькая красным, продираясь через высокие кусты, торчавшие густыми кучками, бежало еще несколько птиц. Причем с двух

сторон. Плотоядные курицы-переростки определенно решили пообедать вкусными и питательными людьми.

«По мнению крокодила человек на сто процентов состоит из съедобного, быстроусвояемого и необходимого мясного белка» – мелькнула в голове когда-то и где-то услышанная глупая шутка. А пальцы, вцепившиеся в тело пулемета, быстро и уверенно делали хорошо и прочно усвоенную работу.

Затвор на себя, и тут же мягко вперед, досылая первый снаряд. Щелкнул взведенный механизм, а Енот сжал ручки, выбирая спуск, стараясь первыми очередями сбить ближайших хищных страусов, охотящихся в местных краях. Замоловило, звонко ударяя по ушам. Пустые звенья ленты, сверкали, улетая за борт. Заметные даже днем росчерки летящих снарядов легли кучно и в нужную точку, сбив двух птиц. Внизу, под ногами, слышался мат и лязг снаряжаемой в бешеном ритме ленты. Смотреть туда было некогда, но судя по звукам, Змей явно шел на рекорд отряда, давно и прочно установленный Толстым.

– Впереди! – Рывкнул Бирюк. Странно, но машину практически перестало кидать из стороны в сторону. Теперь Енот смог как следует прицелиться. Очень даже вовремя.

Красные перья находились очень близко. Казалось, протяни хрипло орущая троица пернатых монстров головы вперед и вбок, одной проблемой у Енота со Змеем станет меньше. Так как выпендренную кожаную кепку с черепом Бирюк

носить не сможет. Потому что голову, сидящую на толстой и мощной шее, громадный черный клюв, блестящий на солнце, отделит на раз-два. Только, на самом-то деле, после этого проблем станет сразу больше, ровно на девять штук. Пернатых, сильных, и явно голодных. Допустить такой вариант Еноту не хотелось. Он и не стал.

«Гранит» загрохотал прямо над нырнувшим вниз Бирюком. Как он вел машину в таком положении, стало совсем неясно, но ее так и не начало снова кидать в стороны. Снаряды легли ровно туда, куда метил Енот. Лихую тройку плотоядных мутировавших индюков очередь, единая и длинная, перерезала пополам. На борт машины, пролетевшей мимо перьевого и кровавого взрыва, жирно и смачно плюхнулось внутреннее содержимое птиц. По лицу и маске Енота плеснуло горячим и красным, да так, что пришлось трясти головой, очищая очки. Получилось и вовремя.

Автомобиль вылетел на ровную прямую, уходившую вперед между рядов из высоких холмов. Бирюк что-то крикнул и выкрутил руль. Машину развернуло на месте, крутанув и чуть не выбросив Енота, намертво вцепившегося в ручки пулемета. Заорал Змей, почти вылетевший за борт. Загрохотал короб, улетевший черт знает куда. Сзади, вереща и шелкая, приближались, видимые даже через густейший столб пыли, красные перья. А лента в коробе почти закончилась. Но Енот, понявший, что машина стоит, открыл огонь. Провел огненной полосой поперек приближающейся стаи, на-

десять, что снарядов хватит. Он свалил еще четверых птиц, когда звучно щелкнуло и ствол по инерции задрался вверх. Оставшиеся трое «птенчиков» приближались.

– Вашу куриную мать, курвы пернатые! – Бирюк встал, достав из-под сиденья здоровенную дуру с диском за цевьем. – Не дали спокойно покататься...

Дура загрохотала, солидно и основательно выплевывая пули. «Курицы» не успели развернуться и сбежать. Спокойный и невозмутимо стрелявший бородач не потратил и десяти патронов, закончив дело. Енот сел на спинку сиденья, подняв заляпанную кровью очки на лоб и вздохнул. Со дна машины раздался стон и мат. Змей, держась рукой за голову, встал. Когда его ладонь ушла вверх, поднимая маску, на дневной свет показался шикарный синяк на скуле.

– Ударился, шкет? – Бирюк покосился на него. – Держаться надо лучше, особенно во время движения.

– Я держался, – буркнул Змей. – Можно и заранее предупредить же, чуть не вывалился.

– Я предупредил. – Бирюк широко ухмыльнулся. – Это ты, лоботряс, замешкался. Отвыкай тормозить, уженок, в степи так нельзя.

– Кто это? – Енот с удивлением понял, что ему совсем не хочется спорить с ним, и говорить о явно запоздавшем предупреждении.

– Форки. – Бирюк выпрыгнул из машины, закурил. – У них есть такое научно подогнанное название, но оно очень

длинное, форор...форкар... тьфу ты, пропасть! Вообще, как мне известно, эти бешеные индюки ими быть не могут. Те вроде как очень давно вымерли, да... Фороракосы, точно, так тех звали, ну, и этих сейчас Вымерили, да-а-а. Но зато внешне похожи. Лютые бестии, жадные и всегда голодные.

– Это я заметил. – Енот посмотрел на все еще трясущиеся после бешеной стрельбы руки. – И много тут таких сюрпризов, про которые ничего неизвестно, а знать надо?

– Хватает. – бородач достал из бортовой укладки длиннющий тесак. – Пойдем-ка, енот потаскун, со мной, кое-что покажу. А ты, опасный и страшный, но очень неторопливый аспид, короб приведи в боевое положение. И шевелись.

Енот выпрыгнул, перекинув автомат из-за спины вперед, и догнал Бирюка. Тот спокойно и неторопливо шел к ближайшей туше. Когда они подошли, стало заметно, что птица еще жива.

Огромный, загнутый вниз клюв открывался, еле слышно щелкая. Щелк-щелк... Еноту стало страшно от мысли о том, как этот клюв, чьи две кромки казались очень острыми, входит в тело жертвы. Один удар, рассекающий сзади шею, сосуды, позвонки... хрусть и все.

Голова летит в сторону или повисает на оставшихся лохмотьях кожи.

Птица была огромна и страшна даже сейчас, вся в густой каше из крови и налипшей на промокшие перья пыли и земли. Толстенные лапы судорожно рыхлили грунт когтищами,

выдирая дёрн и пучки травы.

– Старость не радость, память никакая, – сплюнул Бирюк, не вынимая, перекатил папиросу по рту. – Вернись к машине. Там в багажнике мешок, толстый такой. Принеси, только быстро. Не стоит здесь задерживаться.

Енот даже не подумал возмутиться, хотя понимал – старость тут не причём. Просто бородатый издевался. В очередной раз, и кто знает, сколько их будет. Развернулся и пошел к машине. Уже уходя, услышал сзади хеканье и густой мясной звук с последующим хрустом. Оглянувшись, увидел, как сапог Бирюка отпихнул в сторону голову форка, отделенную одним единственным ударом. Прикинув толщину мощной шеи птицы, Енот тихо присвистнул. Уж чего-чего, а силы бородатому чудовищу явно не занимать.

Змей уже закончил снаряжать ленту в короб и даже начал снимать использованный. «Научник» заинтересованно кивнул в сторону птиц, явно желая оказаться на месте Енота. Тот только пожал плечами и залез в корзину над задним сиденьем. Мешок нашелся в самой ее глубине, плотный, заскоруждый, в темных пятнах. Только тут до Енота дошло, для чего он потребовался Бирюку. Вот только зачем?

Он вернулся назад, когда бородатый хладнокровно отделил оставшиеся головы и дожидался его.

– Кидай в мешок и пошли вон до тех дойдем. – Бирюк ткнул лезвием в сторону тех, что Енот сбил перед основной бойней.

– А для чего они?

– Толкнем в Соробе одному чучельнику. А тот продаст их каким-нибудь хвастливым трусам, которые сами никогда не смогут добыть такую пташку при всем желании. Таких людишек везде хватает, мальчуган.

– Пыль в глаза пускают... понятно. – Да, с подобными хвастунами Енот пока не сталкивался. Да и мысль о том, куда девается большая часть добытых тварей, вроде волколаков, в голову не приходила.

Ему хватало мерзкого ощущения во время чисток, чтобы желание продавать потом шкуры пропадало само по себе... пока, во всяком случае. Тем более сдача трофеев была обязательной. По сданным головам, шкурам, да даже просто уцелевшим конечностям, отряду зачитывались премиальные от Альянса. Строжайший учет вел Тундра и в его дела никто влезть даже и не пытался.

– Типа того. – Бирюк остановился, не доходя несколько метров до трех мертвых птиц. Уважительно покосился на Енота – Ну, охренеть, ты снайпер, полоскун.

– Что? – Он сначала не понял. Но потом присмотрелся, и все стало ясно.

Очередь двенадцатимиллиметровых снарядов прошла точно по линии голов птиц-переростков, начисто разнеся их в клочья. Если судить по той, что валялась ближе, то даже клюв не уцелел, разлетевшись во все стороны. М-да, такой точности при стрельбе из крупного калибра Енот и сам от

себя не ожидал.

– Извини...

– Да и ладно. – Бирюк хмыкнул. – Кое-что ты все-таки умеешь. Ладно, поехали, нечего задерживаться. А то сейчас тут набегут всякие.

– Какие?

– Мало ли... Сезон охоты еще не открыт, ты не знал? Вот за браконьерство тебя и прищучат.

– Ну...

– Да ладно тебе, брось. Ты что же думаешь, форков легко повалить? Это у меня есть то оружие, что есть. У обычных местных охотников тоже случаются неплохие экземпляры, но в основном-то? У городских фертов хватает хороших стволов, только охотники из них, как из суслика заяц, запеченный с яблоками и кашей. Форки птицы стайные, на них идти надо облавой, давить количеством, если калибр не тот. Не было бы «Гранита», так я бы здесь и не поехал. Какая там проверка на вшивость, смеешься? От ты ж черт...

Из кармана куртки, приглушенный и злой, настойчиво рвался наружу чей-то голос. Даже и не просто чей-то, даже старшего офицера отряда Тундры.

– Да, все в порядке. Не надо никакой помощи, сами справились. Все, отбой, Тундра, и не надо больше на связь выходить, сам выйду. Да, оба целы, все, пока.

– И много их тут? – Енот покосился на мертвых птиц.

– Достаточно. – Бирюк протянул ему тесак, ручкой впе-

ред. – Попробуй, ударь в грудь.

Оружие было тяжелым, пришлось немного напрячься. Рукоять, обмотанная тонкой медной проволокой, лежала в руке не очень удобно. Енот присмотрелся к самому лезвию. Надо же, заточка не односторонняя, как в основном у таких блуд. Третью спинку явно обработана на станке, сточена под треугольную кромку, с выводом на конец острия. Этой приемистой хренью можно не только рубить, но даже и колоть, вот этим самым кончиком. Попадешь же кому по горлу рубящим ударом и все, позвоночный столб наполовину рассечен.

Он подошел к ближайшей птице, резко и коротко ударил. Ничего не произошло, лезвие не смогло достать до плоти, надежно укрытой под густым, пружинящим оперением. Тесак даже подскочил, оттолкнув назад и чуть не вывернув ладонь.

– Ага, понял... – насмешливо протянул Бирюк. – Да ты рубани давай, по молодецки, с потягом и размахом, не смущайся, никому не скажу.

Енот покосился в его сторону, прикусив губу от досады. Действительно, не ожидал такого. Прокрутил колесо, блеснув отточенным металлом, отвел руку назад, ударил всем телом, сильно. Тесак с хрустом прорубился через уже спекшиеся коркой грязи и крови перья, достал до недавно живого мяса. Бирюк позади довольно крикнул.

– Понимаешь теперь? Представь, какое неопишуемое изумление испытали местные любители пострелять куропа-

ток, когда форки вышли на них в первый раз. Семерых мужиков с дробовиками на куски порвали. Разом, вот-вот... так что этих тварей не то что в сезон, их постоянно отстреливать надо. Вот этим, думаю, мы с вами, пацанва, и займемся на самом-то деле. А чего... вон как лихо получилось, денег нагребем аки лопатой.

Бородач посмотрел на удивленное лицо Енота, не выдержал, расплылся в своей хищно и острозубой улыбке:

– Поражаете вы меня, бурсаки, иногда. Вот вроде, Енот, ты же и верно почти ветеран. В отряде два года, чего только не видел, но в некоторых вещах вообще не разбираешься. Пошутил я, пацан, по-шу-тил. Поехали, падальщики в степи разные попадаются. Жалко еще тратить заряды на какую-то неведомую и голодную хрень.

Он развернулся в сторону своего автомобиля, покачивая от удивления головой. Широкая спина, на которой свободная крутка натягивалась и вздувалась при каждом шаге, наглядно демонстрировала все его превосходство. Енот хмыкнул, поняв, что действительно купился на глуповатую шутку и пошел за ним. В чем-то Бирюк точно прав. В отряде ему пришлось научиться многому, но кое-что оставалось недоступным. Ведь чистильщиков совершенно не волновали многие вещи. Для них не существовало того самого сезона охоты, который действительно появился не так уже и давно. Сам он считал это глупейшей вещью, но для кого-то эта хрень явно не глупость.

Ему уже доводилось слышать про наказания для браконьеров. Капитан при этом довольно улыбался и говорил про частичное возвращение цивилизации. Инженер с ним спорил и употреблял хитрые слова вроде «тоталитаризма» и «деспотии». Обычно спор прекращался, стоило этим двум заметить чьи-то, греющиеся рядом, уши.

После чего невольно подслушивающему присуждалось звание «большого уха» и награждение в виде специального наряда, придуманного вызванным Тундрой. Еноту как-то раз, под довольный смех ехидного Фроста, пришлось мыть щеткой и тряпками весь «круизер» Инженера. Так что правы и Бирюк и Тундра. Первый в том, что им со Змеем еще учиться и учиться, второй в получении неопределимого опыта от наглого бородача.

– Смотри, чего творится, – забасил Бирюк, подойдя к машине. – Наш пресмыкающийся недоросль все сделал, и короб снарядил, и ленту заправил. А-я-я-я-й, каков молодец. А чего сел и расслабился, устал? Кто за тебя запасной набивать будет? Ну-ка, взял зарядку и живенько за работу. Енот, становись к пулемету. Только очки протри, а то не увидишь же ничего. Тронулись, олухи, я ночевать хочу в Соробе. И пива... а может и девок, если повезет, найдем.

Лирическое отступление-1: что посеешь...

– Тяжелый какой, зараза...

– Да оттащи ты его, он мне ногу отдал.

– Так... А если этого да вот эдак?

– Отставить, Мусорщик, кому сказано?

– Не, командир, а чего отставить то?! Они что, наших ребят колбасками с пивом угощали? Или пирогом с черникой?

– Я сказал отставить, боец, что не понятно?

– Ладно, ладно... нет, так нет.

– А-а-а-а!!!

– Мусорщик! Ты чего творишь, кадет?!

– Я его не мучил, пристрелил и все. А надо бы...

Когда Рыжий был маленьким, а это было очень давно, бабушка всегда ему говорила: семь раз отмерь, один раз отрежь. Но когда тот подросток, слушаться бабушку стало уже неинтересно, также, как и отмерять, и только потом резать. Вот он и резал сразу, резал, резал... Пока совсем не дорезался. Главным шагом к этому для него оказалось удачное вступление в команду Сыча. Хотя командой называли ее только они сами. Остальные, те, кто сталкивался с сычевскими людьми на дороге, иначе как о банде отмороженных выродков про нее никак и не отзывались. Если оставались

живыми после этой самой встречи.

А им было все равно, что там про них думают беспомощные и беззащитные путешественники по трактам, охамевшая глупая деревенщина и прочие подобные личности. К ним Сыч и его товарищи относились только как к дойным коровам. Или как пчелам, разбросанным по ульям. Хотя если разобраться, какие пчелы? Те хоть жалить могут и умеют, а эти? Трусливые, жалкие и безрукие твари, чье единственное предназначение – быть обобранными.

К сентябрю Рыжий входил в команду уже никак не меньше года. Зиму они провели в глубине Степи, изредка ходя к границам недавно сформировавшегося Альянса, нагло хватая его незащищенное подбрюшье в те нечастые дни, когда пограничники воевали с «дикими» кочевниками. Хотя и тогда хватало крови с опасностью. За последние пару-тройку лет местное население, поднабравшись от метрополии ощущения защищенности, явно считало себя способным на многое. Трое из пятнадцати членов команды, чьи трупы уже заросли травой, брошенные в степи, стали этому лишним доказательством. Голодно прошла зима, ничего не скажешь.

Иногда Рыжий начинал скучать, и с тоской вспоминал прошедшее лето, которое они провели у разрастающейся Стерли. Кутили напропалую десятки раз, облегчая карманы, просаживали кучи серебра на местных проституток и выпивку. Весело было, эх и весело! Зима давила, выворачивала душу наизнанку, гоняла по голове совсем уж дикие мысли.

Дождавшись весны и просохших дорог, команда с бешеным улюлюканьем и пальбой в воздух выбралась из берлоги, в которой их приютил на всю округу известный травник Пасюк.

Транспорт, а команду Сыч укомплектовал даже двумя сносными таратайками, работающими на бензине и парой вездеходных байков, зимовку перенес хорошо. Резина не рассохлась, движки хоть и чихали поначалу, но потом взялись, довольно заурчали. Запас топлива Сыч тратить не давал. Всю снежную пору они перебивались лошадьми, беззастенчиво забирая и угоня фермерских и крестьянских сивок в замену их павшим и загнанным товаркам банды. Нормально ухаживать за жеребчиками и кобылками никто в команде больно-то и не умел, а все умеющий и знающий Пасюк клал с прибором на их проблемы. Зато драл не по-людски не только за варево от кашля и похмелья, но и за ночлег. Вот его Рыжий невзлюбил сразу, старого похотливого кровопивца. А за что его следовало любить-то, клеща плешивого?

Вечно лишь ходил себе с таким надутым видом, совсем как старый бабушкин индюк. Мол, приветил вас, отребье, так знайте свое место. Команда терпела все, скрипя зубами и ожидая возможности ответить. А куда пойдешь зимой, если вокруг бескрайняя Степь, с редкими перелесками вроде того, в котором устроило свое подворье это ученое зазнайство? Да и Сыч сразу дал понять, чтобы и думать не могли сделать травнику какую-нибудь пакость. А уж его-то в команде опасались и уважали.

Но весна наконец-то пришла, и они вновь выбрались на дороги и тракты. У Сыча была карта, вернее, карты. Хорошие, профессионально и точно составленные карты, взятые с убитых офицеров пограничной стражи и водителей караванов. Командир всегда думал головой, потому и гулял по Степи так долго. Когда остальные искали на телах что подороже, Сыч находил что понужнее. Удостоверения личности, например, оптику, личные аптечки, или те самые карты. На имевшихся картах умельцы Альянса нанесли много важного и необходимого, без чего ему и его людям пришлось бы туго. Но они были, и голодная банда, всю зиму прокукувавшая в глубине степи, отправилась навестывать упущенное.

Две машины, вместительные и защищенные листами наваренного железа, два мотоцикла и десяток лошадей вихрем пронеслись по всему краю. Было весело, было много крови, стрельбы, поножовщины было не сосчитать. Ранений у команды также стало вдосталь. Но на это внимания обращалось мало, в конце концов, не смертельно, да и ладно. Действовали нагло, с огоньком, но в меру аккуратно. Опыт прошлого года и самой зимы приучил не нападать на караваны Альянса, а потрошить только самостоятельных купцов, переселенцев или одиноких бродяг.

Лето прошло хорошо, с точки зрения команды, конечно. Очередная небольшая война-войнушка, грохотавшая по северной стороне расширявшей территории Звезды, только прибавила процветания Сычу и его людям. Пограничная

стража, не так давно и возникшая, и раньше редко когда вмешивалась в поиски степных банд, что же говорить про военное время? Корпус Внутренней стражи также оказался занят на севере.

Дела у генералитета Альянса пошли неважно, быстрого и победоносного исхода не получилось. В таких случаях все происходит по одной схеме: бой, а после него и выявляется, кто есть кто? Кто станет серединой, то есть пушечным мясом, ну и также героями и трусами. Средняки воевали так, как выходило, герои погибали, но не сдавались, трусы дезертировали и хорошо, если домой. Нетушки, большая часть дезертиров начала сколачиваться в банды, старательно доказывая, что и они не лыком шиты и не пальцем деланы. Вот тут-то и вылезало шило из мешка.

Сыч не жил в Степи с детства, многого про нее не знал и не умел, но путь свой выбрал давно. Потому подготовился к нему и действовал профессионально. Людей, таких как Рыжий, подбирал тщательно и продуманно. И размышлял не только о том, как принять караван побогаче, а как потом уцелеть и залечь на дно, сбив с пути возможных преследователей. Его «синие мундиры», как ни старались, выследить не могли. Все почему? Потому что думать надо головой, говорил Сыч, а не жопой, как некоторые. Не до конца объединенные падальщиками тела «некоторых», недавно удравших из войск, постоянно украшали тракты, подвешенные на любой удобной перекладине. Или вылезали «подснежниками» вес-

ной, тоже доказывая правоту Сыча. Ошибок же, которые вели к такому результату, Сыч не допускал. До этого сентября.

Кто знает, что заставило обычно рассудительного главара сорваться, вытворяя такое, от чего не по себе становилось даже «ветеранам» его команды? Между собой судачили, что получил новости из того места, где родился. Видно, новости оказались не очень хорошими. Как бы оно ни было на самом деле, но Сыч внезапно положил на всякую осторожность.

Начали с одного из последних караванов со стороны Внешнего Катая, вырезав его подчистую. Купцы шли богато, везли чай, рис, шелк, шерстяные ковры ручной работы, настоящую фабричную обувь, пусть и плохое, но огнестрельное оружие. Пропустить такую добычу Сыч мог только в самом плохом случае, если бы его загнали куда-то в совсем дальний медвежий угол. Охрана, многочисленная и вышколенная, не справилась, несмотря на наличие двух броневиков. Их рванули фугасами, найденными в одном из удаленных и сожженных форпостов пограничников. Рвать пришлось с помощью подпаливания порохового шнура, погиб один из ребят.

Зато обе железные коробки, с торчащими из маленьких, клепаных башен, толстенькими обрубками крупного калибра сгорели, перегородив дорогу. Патронов Сыч приказал не жалеть, потратив все ленты к пулеметам, приобретенным на том же форпосте. Когда подошли к расстрелянной колонне, в живых остались лишь трое приказчиков, схоронившихся

в плотных кулях ковров. И как насмешка: десяток совсем молоденьких баб в железном вагоне-кузове грузовика. Везли их на рынок в Итиль, но не судьба. Тут-то Сыч и переступил через собственные принципы. Подумав и посоветовавшись, в процессе чего все в команде дружно орали друг на друга и размахивали оружием, решили продать восьмерых мутантам, а двоих оставить для пользования. Девки, все до одной, были нетронутыми, и заработать на них Сыч намеревался неплохо. Раньше за ним такого, чтобы он торговал людьми, не водилось. И уже тогда бы Рыжему задуматься, но не судьба выпала включить голову, не судьба. Деньги, деньги....

Продолжили налетом на богатую деревню вдоль того же тракта, неплохо выпотрошив кубышки местных прижимистых хозяев. Нескольких, для примера послушания, протащили на цепях за мотоциклами, остальные после этого не хорохорились. Воодушевленная команда, набравшая за неделю «жирка» больше, чем за все лето, с гиканьем рвалась дальше, торопясь успеть на рынок к мутантам. Успели, на свою беду.

На постоялом дворе, где Сыч и еще пятеро решили остановиться, народа жило мало. Несмотря на это, командир не стал тащить остальных, решив не связываться с нервными и подозрительными «мутными». Хоть мутанты и из тех степняков, что не стараются сразу перерезать тебе горло, но лишний раз рисковать их «гостеприимством» не стоило. Вот тут-то, пока ждали приезда покупателей, о которых Сычу расска-

зал знакомец, и попалась Рыжему на глаза та худющая девка. Смотреть не на что, кожа да кости, только и сгодится, если в голодный год на бульон пустить. Нет бы, взять и промолчать, а он возьми, да и ляпни: мол, Сыч, видел деваху, точь-в-точь как та шлюха, ну, которая, помнишь?

Еще бы Сыч не помнил, куда там. Чуть, разве что, в ногах не валялся у той давешней тощей селедки, пока не понял – ничего ему не обломится. Да и шлюхой ее назвать было нельзя, это так, не подумавши, Рыжий ляпнул. Кто же знал, что папа и братцы у нее заправляют всем на перекрестке сразу трех дорог? Тогда Сычу ничего не засветило, хорошо, что жив остался. И памятка, узкий шрам, звездочкой трех линий-продолжений расплывающийся слева на лбу. Еще не успевший побелеть, с едва спавшей багровой плотной коркой. Старший команды молча и спокойно выслушал Рыжего, лишь кивнув в ответ.

Девка поселилась не одна. Вечером, когда Рыжий топтался у ограды широкого двора, рядом со спокойно жующим жухлую травинку Сычом, она вышла. Высокая, с прямой спиной и не бегающими по сторонам глазами. Стройная, одетая и держащая себя совершенно не как местные, крепкие и ядреные бабёнки.

Выкрашенная синим рубаха из выделанной мягкой кожи, с бахромой по рукавам, такие же свободные брюки, ничем не прикрытые волосы, только собранные в пучок на макушке. Крепко и бережно, прямо как сиделка, поддержива-

ла худющего патлатого мужика, опирающегося на деревянный кривой костыль-самоделку. Мужик походил, выписывая медленные петли, круг за кругом по утоптанной земле. Походка была больной, тяжелой, даже рыжие куры, выбегающие из-за плетня, не пугались и не убегали, квохча и смешно суетясь. Девка же, ну точно медсестра, все это время старалась находиться рядом, несмотря на ворчание калеки. Тот вовсе не собирался пользоваться ее помощью, упорно наворачивая по кривоватой дуге, подволакивая ногу и тяжело опираясь на костыль. Через десяток минут, несмотря на свое упорство, видно совсем умаялся, и присел на почерневшую лавку. Сыч хмыкнул и пошел в их низкую хибару, стоявшую поодаль. Уходя, буркнул Рыжему:

– Узнай – кто такие, когда выезжают.

Что оставалось делать? Рыжий и узнал. На свою голову.

Вечером следующего дня, закончив все дела и продав хабар, команда снялась и ушла назад в Степь. Ночью Сыч, и с ним еще четверо, вернулись, заплатив караульному на воротах. Рыжий был в их числе. Девка и седой мужик жили в такой же небольшой бревенчатой халупе, как и они до этого. Дверь просто выдавили, быстро ворвались внутрь. Один из бандитов ударил мужика по голове прикладом винтовки. Тот упал, и не поднимался. Эту самую тощагу скрутили, примотав руки с ногами к столбам, подпирающим кровлю из тонкого, проржавевшего железа, замотали рот тряпьем, валявшимся в углу.

Сыч ножом разрезал ткань плотной рубашки, брюки, провел пальцами по сухому, смуглому телу. Схватил в горсть маленькую торчащую грудь с темным острым кружком. Та вздрогнула, глядя на него дикими глазами, но не кричала, даже не пыталась. Рыжий вздрогнул, понимая, что в ее глазах нет страха. Нет, совсем нет. Ярость, гнев, обида, но не страх. В почти полностью темной комнате, распяленная между столбами, она не боялась. Остро, практически не шурясь на свет зажженных потайных фонарей, взглянула на каждого из них, как сфотографировала.

Взгляд ее, пронзительный и резкий, рванул что-то в груди Рыжего. Неожиданно он, отпетый бандюк, увидел ни разу не замеченное им ранее. Боль, грязь и стыд, которую она сейчас получит сполна. Тонкую красоту совсем юного лица и худощавого тела, лишь вздрагивающего под напором главаря банды. Рыжий почувствовал это, неожиданно разорвавшееся в его голове, вздрогнул и чуть было не потянулся остановить Сыча. Опомнился лишь в последний момент, когда тот повернул к ним странно изменившееся, совершенно дикое лицо с жадными глазами.

И Рыжий забыл, стер, выкинул сразу из головы все правильное и такое ненужное, глупое и смертоносное. Ну, его, Сыча, к такой-то матери, не стоит из-за какой-то бабы связываться с главарем. Пусть тот и свихнулся малость с ума. А тот продолжил начатое, не дав больше никакой возможности девке даже взглянуть вокруг.

Навалился сверху, скрюченными и окостеневшими пальцами вцепившись в узкие твердые бедра. Острые широкие ногти прочертили несколько черт-борозд по коже, матово блеснувшей в неярком свете. Задел глубоко, царапины тут же налились темным, из одной отчетливо поползла вниз тоненькая струйка. Сыч рывком сдернул вниз широкие кожаные штаны, подтянул ее к себе, навалился сверху, охая и постанывая. Остальных командир выгнал одним махом руки, но никто не возмущался. Они вышли, прикрыв дверь в освещенный яркой луной двор, спрятавшись в густую тень от хибары. Рыжий стоял, прислонившись к стене, и стискивал в мокрых от пота ладонях карабин.

Сердце неожиданно гулко колотилось в груди, а в глубине живота шевелился очень осязаемый клубок животного ужаса, повсюду разбрасывая свои липкие паутинки. Через щели между бревнами, с почти полностью вывалившейся сухой паклей, доносился еле слышимый хрип главаря и шорох. Почему-то этот шорох Рыжему был слышим лучше всего. Шорох, с которым тонкое тело с матово поблескивающей кожей сейчас елозило по грубым доскам пола, сдирая ее до крови. Но он продолжался очень недолго. Потом было довольное и сбившееся дыхание главаря, легкий свистящий звук и вздох, легкий, короткий, смешавшийся с бульканьем.

Сам Сыч вышел минуты через полторы, вытирая узкое длинное лезвие поясного ножа остатками рваной рубашки из мягкой выделанной на совесть кожи. С висящей по рукаву

бахромой. Никто не проронил ни слова, и путь через стену был быстрым, без препятствий. Утро команда встретила уже далеко. Рыжий про этот случай старался не вспоминать. До поры, до времени. А потом стало очень поздно жалеть и понимать, что ничего не исправишь и не вернешь назад.

Странности начались с пропажи одного из постоянных скупщиков среди городских «мутных». На вопросы Сыча его домашние ничего не могли сказать, лишь разводили руками. Пропал мужик, как в воду канул. Потом исчез наводчик, из числа «синих мундиров», патрулировавших тракт. Несколько раз, когда команда уходила с очередного грабежа, им на хвост садился кто-то очень настойчивый и настырный. Сыч, выживающий в Степи уже пятый год, быстро понял, что к чему и решил залечь «на дно». Не вышло.

Их взяли на зимней стоянке у лекаря. В голой степи, где Рыжий оказался в числе караульных, торчавших на высоком частоколе, окружавшем немаленькую усадьбу. Он ничего не заметил, только вспыхнуло в глазах, и Рыжий провалился в темноту.

Когда пришел в себя, в нос ударило едким запахом гари и дыма, железом густо пролитой крови и еще чем-то, мерзким и тошнотворным. Голова гудела пустой бочкой, отхватившей удар тяжелой дубиной, в глаза давило откуда-то изнутри. Рыжий вдохнул тяжелого воздуха, и его немедленно вывернуло наизнанку, прямо в начавшую желтеть траву, торчавшей жесткой щеткой у самого лица.

Рвало долго, чем-то остро режущим носоглотку, жидким, стекающим и размазывающимся по подбородку и верхней губе. Сбоку, из-за спины, доносились чьи-то дикие крики, поднимающиеся все выше и выше, захлебывающиеся и перешедшие в бульканье. Громко выругался злой незнакомый голос, сетуя на слабость и полную негодность бандитских организмов. Рыжий, наконец-то успокоившийся и пришедший в себя, затих, уткнувшись в лужу собственной блевотины. Сзади скрежетнуло сталью, живой и очень злобной:

– О, еще один в себя пришел, да, Толстяк?

Перед глазами Рыжего возникла ребристая подошва громадного размера. Вторая чуть толкнула его в скулу самым носком, вернув назад бешеное мельтешение в глазах и желание выпустить из себя что-то еще. Сверху прогудело:

– Будешь прикидываться валенком – сломаю что-нибудь. Понял?

Рыжий торопливо кивнул и начал приподниматься. Подошва надавила на шею, вжимая его лицо с зажмуренными глазами в смесь из сырой земли, содержимого желудка и травы, пахнувшей остатками спокойствия да пылью. Снова прогудело сверху:

– Я разве разрешал вставать? Лежи пока.

Он послушался странно молодого, но внушающего уважение и страх голоса и остался лежать. Слушал звуки творившейся вокруг бойни, пытаясь понять – что происходит?

Трещало сгоравшее дерево стен и перекрытий. Ухнув,

провалилась вниз часть крыши, собранной из глиняной черепицы, которой так гордился лекарь. Криков больше не слышалось, пока, во всяком случае. Громко переговариваясь, по освещенному пожаром двору двигались уверенные в себе люди. Их было много, больше, чем во всей команда Сыча. Рыжий, никогда не считавший себя сильно крутым, понял: взяли их профессионалы.

В горле, горевшим от желудочной кислоты, пересохло еще сильнее. Внутри, где-то в кишках, свернулся холодный комок, сердце бешено стучало безумным и рваным ритмом. Очень сильно хотелось остаться в живых, хотя на самых задворках мыслей мелькнуло осознание глупости самого желания.

Почему-то вспомнился тот случай на постоялом дворе, и Рыжему захотелось завывать от собственной тупости и трусости. Мог ведь хотя бы попытаться удрать от Сыча, мог. Не вступить за девку, спаси святой Мэдмакс, таким врагом он самому себе не был. Но вот бегство, страху после того постоянного двора... надо было, эх и надо. Как же оно все, сделанное до этой ночи, казалось ненужным, каким бесполезным. Он дернулся, чувствуя и пытаясь подавить желание вскочить и бежать отсюда. Рассудок подсказывал, что это пусть и глупо, но зато может дать возможность умереть быстро. Тело спорило и не давало поднять себя в последнем рывке, который точно окончится смертью. Тело было против, все еще надеясь на чудо. Чуда не случилось. Для Рыжего точно. Для

другого человека – да.

На какой-то момент ему показалось, что он ослышался. Но нет, все было верно. По твердой и утоптанной земле, чуть слышно стуча, в его сторону двигался человек с костылем. Когда стук затих, Рыжий чуть приподнял голову. Увидел кривоватую толстую палку костыля, сделанного на скорую руку, чуть скособоченный силуэт. Огонь, уже догорающий, в этот момент разгорелся, осветив худое лицо и длинные, спутанные седые волосы. Рыжему хотелось завывать, но он сдержался. Седой кивнул, утвердительно. Чуть позже слышались звуки борьбы, удар, еще один. К ним волокли что-то тяжелое, а скорее – кого-то. Почему-то Рыжий был уверен, что это Сыч, повисший на руках двоих профессионалов, взявших их на зимней стоянке. Он не ошибся. Перед глазами остановились две очередные пары ребристых подошв, и давление с шеи пропало.

– Встать. – прогудел голос сзади. – И не дергайся.

Он встал, вытирая лицо грязным рукавом куртки.

Два крепких, кажущихся угловатыми из-за странной амуниции человека, бросили на землю его бывшего командира. Один из них повернулся к Рыжему. Молодой, полностью лысый, с хищным и очень молодым лицом. Переломанный нос и пара небольших шрамов, так странно смотрящихся на лица этого парня, совсем мальчишки, только добавляли опасности. Холод внутри стал сильнее. Лысый заговорил, тем самым стальным и мерзким голосом, от которого хотелось

спрятаться под одеяло и плотнее свести ноги, оберегая яйца.

– Он насильовал девушку?

– Да... – Рыжий, дрожа, смотрел на мечущиеся глаза Сыча. Странно, но он был практически целым. – Он... один.

– Молодец, слил товарища, и не задумался. – Лысый усмехнулся. Шрамы дернулись змеями, пугающе живыми.

– Что будешь с ними делать, брат? – Второй, в возрасте, невысокий, с ежиком торчащих волос, в ярко блестящих ботинках, посмотрел на седого с костылем.

– Привяжите его к чему-нибудь. – Голос седого был тихий, он надсадно закашлялся. – И дайте аптечку. Надо показать твоим кадетам, какие есть настоящие чудовища. И как они могут убивать других, напакостивших им.

– Оно тебе надо?

– Эта тварь сделала меня совсем пустым, никому ненужным. Один, Капитан, понимаешь?

– Понимаю.

– Она... – голос прервался глубоким вздохом. – Хотя бы заставляла оставаться человеком, а теперь? Только и остается, что выть. Как волку-бирюку.

Все, что случилось потом, Рыжий запомнил на всю жизнь, и именно из-за этих воспоминаний часто просыпался с криком, пугая жену. Седой работал ножом медленно, постоянно останавливая кровь, то прижигая раны, то перетягивая жгутами конечности Сыча. Рыжего заставили смотреть на все до самого конца, когда еще живого бывшего командира банды

привязали к колодцу. Давешний лысый, что-то шепнув седому, подошел и выстрелил шевелящемуся куску мяса в голову, прекратив его мучения. А потом настала очередь Рыжего.

Когда из костра, горящего недалеко, достали и вложили в руку седого металлический прут, Рыжий опустошил мочевой пузырь. Потом вечностью прокатился краткий миг обжигающей, раскаленной боли на лбу, запах паленой кожи, мяса и подвернувшихся под клеймо волос. Когда он пришел в себя, вокруг стало пусто, ни одной живой души, совершенно никого. Только темнели вразнобой мертвые мешки с костями, тлели остатки строений и начинал накрапывать дождь с серого рассветного неба.

Порыскав по дымящимся развалинам и разбросанным повсюду остаткам вещей, удалось отыскать немного еды и втоптаный в навоз нож. Лоб пылал, в голове пульсировала тупая боль, хотелось лечь и лежать. Но Рыжий смог собраться, упаковать вещевой мешок и двинуться с разоренного подворья.

За год он успел немного скопить и спрятать зимой в небольшом перелеске, рядом со стоянкой. Откопал плотную кожаную сумку, лежащий рядом брезентовый сверток. Переложил серебро в мешок, достал из брезента надежно смазанный карабин и пошел в ту сторону, где был его дом. Ему пришлось многому учиться заново. В первую очередь носить плотную повязку на голове, скрывающую выжженное тавро. Жену Рыжий отыскиал в тех же краях, где когда-то рос у бабушки.

Вдовая солдатка, так же, как и он перебравшаяся к родственникам и в одиночку занимавшаяся курами и кролями. Она выгодно отличалась от соседских девок перестарков, засидевшихся в отсутствии мужиков. Высокая, стройная, любящая не накрывать голову платком или шапкой, а стягивать волосы в пучок на самой макушке. Выданная замуж рано да единственный раз обнявшей мужа в постели. Совсем молодая девчонка, вернувшаяся, как и он, в край детства. Ей смог рассказать все и показать лоб. Она приняла его таким, каким Рыжий был и никогда не жалела про это дальше. Даже когда по ночам с кошмарами, редким и наконец-то прекратившимся, Рыжий метался по кровати и кричал, пугая ее и детей.

Когда начинала меняться погода, у него частенько ныла голова, особенно там, где на коже остались оттиснутыми три буквы, вздувшиеся шрамами на ставшей бледной и незагорелой коже.

Простое слово, которым его пометил тот седой, которого Рыжий благодарил за оставленную жизнь. И то, что до конца дней придется ходить с клеймом «КАТ» на лбу... ту ничего и не поделаешь. Заслужил...

Глава четвертая: цивилизация, споры о вечном и Семерка

«Искушение тянет людей как мотыльков на огонь.

Помни, что минутное желание плоти делает тебя слабее.

Выполняй свой долг перед Домом, и не забывай о своем...

Ведь ты нужен только семье»

Из наставления

«Biblionecrum», гл. «Дом».

M.A. Erynn, ph.d., Culto Nocto

Енот вышел на крыльцо. Солнце встало часа два назад и это точно показалось ему странным. Бирюк совершенно не походил на человеколюбивого гуманиста. С чего бы дать выспаться паре, если верить бородачу, туповатых охуятков?

Змея он не нашел, да и не особо старался. Куда тот подевался, Енот даже и не подозревал. Да и с чего бы? Не друзья, не напарники, так, попутчики на какое-то время.

Вечером, когда впереди показались форпосты Сороки, ему было не до разглядываний. К Бирюку на въезде в город, расположенном между двух небольших фортов, отнеслись с прохладным уважением. Машину проверяли основательно, но не дотошно. Мешок с головами хищных индюков-переростков бородач открыл сам, без дополнительных просьб.

Содержимое его хмурых караульных не особо-то и заинтересовало. Разве что один малый, совсем еще молодой, решил посмотреть поближе, решительно сунув руку внутрь воняющего кровью мешка. Потом парняга долго и старательно блевал за караулкой. Тонкая душевная организация, однако, оказалась у стражей порядка.

Сержант, стоявший на въезде за старшего, не обращая на него внимания, принял у Бирюка плату за въезд. Глядя на шесть потемневших серебряных кружков, мягко стукнувших в грязной ладони, Енот удивился. Пошлина оказалась достаточно невысокой, не то, что в центральных городах Альянса. Удивляться перестал почти сразу, как вспомнил, когда в последний раз просто заезжал в какой-то город. Надо же, сколько времени прошло...

Расположились на постоялом дворе, далековато от границы обитаемой Сороки. Если линии разбитых в пыль кварталов можно назвать границей. Город по нынешним меркам оказался большим, больше родного поселения шахтеров. И раскинулся не в пример вольготнее. Стеной больно не окружишь, как не старайся. Да, торчали на виду бетонные коробки небольших фортов. А толку?

Бирюк, явно поняв ход мыслей собственных рекрутов, только хмыкнул. И объяснил, по какой причине в город ведут четыре дороги, а не пара десятков утоптаных троп. После этого Енот и Змей, прикинув площадь пустырей, засеянных отцами города минами, все поняли.

– Чего встал, как вкопанный? – Девушка-прислужница, крепко сбитая и рыжеволосая, оказалась рядом с Енотом. В руках покачивалось жестяное ведро с яйцами, только из-под куриц, сплошь в помете. – Ищешь кого?

– Да нет. – Енот подумал. – Где рынок?

– По улице направо и пару кварталов вниз. Если подождешь, вдвоем сходим.

– Давай, – против ее компании он ничего не имел, да и в городе не заплутаешь. – Я тут постою.

– Завтракать не будешь? – девчонка поправила выбившуюся из-под цветастой повязки кудряшку. – Ваш командир хорошо так поел.

– Подожду до обеда. – Есть и правда не хотелось. Енот выспался, отдохнувший организм мог подождать до более плотного обеда. Да и времени терять не стоило. Новый город, надо увидеть и запомнить как можно больше. Все пригодится, если выйдет здесь работать. – Ты идешь?

– Иду-у-у... – протянула, кокетливо подмигнув. – Во всем такой торопливый, мм-м?

И, не дожидаясь ответа, пошла внутрь, на ходу вильнув и качнув всем, чем стоит покачивать. Енот только хмыкнул, покосившись пониже ее спины. Задок у нее оказался что надо, больше никак и не скажешь. Да и остальное, если честно, смотрелось весьма хорошо. Симпатичная девчонка, хорошо сложенная, глаза эти шальные, да уж...

Хани...

Енот вздохнул. Посмотрел в дальний угол, как надеясь наткнуться глазами на... на кого? Два года, мало или много? Средне, наверное, да... Только он ее уже и не помнил. Ни голоса, ни лица. Жил каким-то странным чувством внутри, когда сердце чуть ныло, когда становилось серо. И не отпускал. Хотя, права Файри, жить надо дальше, жизнь-то одна.

За воротами что-то грохнуло, затем в два голоса выматерились и начали выписывать кому-то тумачков. Цивилизация, ничего не скажешь.

– А вот и я! – девушка выскочила на крыльцо. – Меня зовут Белка, если что.

– Хм... – он поперхнулся неожиданно нахлынувшим ощущением повтора. – А я... Енот.

– Хороша пара, ничего не скажешь. – Белка блеснула полуской зубов, прищурила светло-орехового оттенка глаза. – Енот и Белка. Пошли, чтоль?

Чистильщик кивнул и пошел к воротам, расстегнув кобуру на всякий случай. Мало ли чего за ними?

По пыльной улице без какого-либо признака брусчатки или остатков асфальта катали и волтузили друг друга трое бродяг. Вернее, двое раздавали тумачков, да по шам, а один, как мог, отбивался. На твердой вытопанной земле лежали остатки толстостенной бутылки, ощутимо воняло самогоном. Енот застегнул кобуру. Автомат остался в оружейном шкафу отведенной комнаты, с замком на спусковом механизме. В Сороче с этим оказалось строго, власть мэрии ощу-

щалась во всем, включая порядок ношения оружия.

– Первый раз в Сороке? – Белка перешагнула через прови-
нившегося колдыря, в очередной раз полетевшего кубарем. –
Во двор сунетесь, идиоты, кобели порвут! Так в первый раз,
Енот?

Енот для начала подправил траекторию движения край-
него оборванца, решительно бросившегося к избиваемому.
Сунул ему под ребра и добавил тяжелым ботинком по голени.
Оставшийся стоять на ногах бродяга решил не вмешиваться.
Так вот оно хорошо. Страх как не нравилось молодому
чистильщику такое вот веселье, когда двое на одного.

Потом ответил:

– Да.

– Ты чего такой неразговорчивый? Хотя, ладно, не страшно.
Пока поговорю за обоих. Ты же с Бирюком приехал? Он
сказал, что ты и твой друг у него в учениках.

– Так-то да... А ты его хорошо знаешь?

Белка перепрыгнула через лужу помоев.

– Ну-у-у, Енот, кто его хорошо знает? Всем известно, чем
он занимается, и все. В Сороке Бирюк всегда останавливается
у нас. Ты разве с ним недавно, ученичок?

– Типа того. – Енот покрутил головой по сторонам. Улица
вся в лавках, надо же.

Пока они шли в сторону рынка, чистильщик знай себе
крутил головой по сторонам. Дерущихся бродяг больше не
попадалось, а посмотреть было на что.

Улочка с невысокими, один-два этажа домами, тянулась под горку, заметно выгибаясь впереди. Вместо старого асфальта, такого привычного по родному городишке Енота, под ногами стучала брусчатка. По ней же грохотали колеса телег, двигавшихся туда же, куда вприпрыжку шла Белка. Медленные и мощные синие волы тянули вozy с собранной картошкой, желтыми поздними яблоками, светлыми репками. В одной телеге, высываясь из-под решетчатых крышек больших ящиков, глупо кудахтали куры и важно скрипели гуси, отъевшиеся за лето. Один из возчиков, крепыш в соломенной шляпе, одобрительно подмигнул Еноту, поглядывая на туго натянутую сзади шерстяную, в крупную клетку, юбку Белки.

Справа золотистые заковыристые буквы зазывали в цирюльню Кандибобера, и тут же через сильно запыленное стекло соседней витрины глазел на улицу алым сукном внутренней обивки гроб из полированного дерева. Строгая белая надпись напоминала о «Memento mori», как понял хмыкнувший от удивительного соседства Енот.

В следующем здании, розоватого кирпича и с красной черепицей, пришлось поразиться многоцветию десятков отрезов тканей, висевших на длинных шестах. Сорока точно не выглядела запуганным и бедным поселением, чего в Пустошах как раз встречалось предостаточно. Только разглядывать новый город Еноту чуть мешала болтовня спутницы, притормозившей и немедленно взявшей его под руку.

И... То ли чистильщик смог удержаться и не вздрогнуть от этого прикосновения, то ли девушка сделала вид, что ничего не заметила.

Просто взяла и закинула руку на его, тут же чуть коснувшись теплым и мягким плечом. Енот машинально втянул воздух, а с ним и запах девушки. На короткий-короткий миг что-то внутри застыло, провалилось внутрь, екнув, и снова застучало. Пахло незнакомым сладким запахом духов, может быть и не самых дорогих, но таких приятных. Цветочным мылом, легким и свежим, тем теплом, которое может идти только от женщины и солнцем. В последнем, скорее всего, виноваты рыжие вьющиеся волосы, больше ничего.

– Енот, а Енот, ну расскажи про себя? Как ты с Бирюком оказался, откуда сам, ну интересно же, слышишь? Ай, я тебя сейчас все равно перебью. Так же неправильно, когда я спрашиваю, а про себя ничего не говорю, да? Я не родная дочь Ежа, ну, хозяина гостиницы, приемная. Он меня нашел давно, когда мне лет пять было, в Степи. Тогда Сороку только-только восстанавливать начали, и он сюда как раз и ехал. Я маму с папой плохо помню и даже не знаю, как в Степи оказалась. Наверное, к кому-то меня отправили, вот. Но он долго искал моих родителей, а потом взял и удочерил.

Енот шел и кивал, стараясь не расслабляться. Город городом, день там и все такое, но мало ли. Белка мягко держала под руку, брусчатка стучала, до поворота к рынку оставалось всего ничего. Мимо, окинув его сразу шестью суро-

выми взглядами трех пар глаз, протопали патрульные. Светлые кепки с куртками, широкие штаны с лампасами, на боках револьверы, на ремнях – короткие карабины. И плетка у каждого. Но останавливать не стали, девушка рядом и спокойное поведение спасли от придировок.

Это и хорошо. Мятой бумаге с выцветшей и непонятной лиловой печатью, доказывающей увольнение старшего рядового пехотного батальона, то есть Енота, он и сам-то не особо доверял.

– Ой, а ты все молчишь и молчишь. Суровый, да? А как ты стал охотником за головами, а? Я Бирюка немножко боюсь, он хоть и спокойный, но страшный. Енот?..

– Что? – Енот оторвался от разглядывания замысловатых кренделей в лавке пекаря. Во рту неожиданно появилась слюна, и жуть как захотелось купить вытянутый винтом калач, посыпанный маком и поблескивающий коричневой корочкой. – А, извини. По ранению списали, работать надо... На ферму не вернешься. Она у Камня была, теперь нет.

– Ой, прости... – Белка вздохнула, участливо и неожиданно грустно.

– Да не, все нормально. А у Бирюка я в учениках. Думал, проще будет. Говорят, он самый лучший.

– Отец также говорит, – голос девушки стал серьезнее. – Он часто останавливается у нас. Ой, я же говорила. Ты нормально к тому, что я все время болтаю? Ой, и хорошо... Бирюк? Постоянно приходят, спрашивают его. Тебе повезло,

наверное.

– Почему «наверное»?

– Я не люблю насилия. – Белка повела плечами, с видимой брезгливостью. – И боюсь.

Енот хмыкнул.

– Только от него никуда не деться в наше время.

– Почему ты так думаешь?

– Ну... – чистильщик оттолкнул чуть не въехавшего в Белку плечом забулдыгу, отирающегося у первого из рыночных лотков. – Может, поэтому?

Белка покосилась на пьяного мужика, заросшего по самые глаза щетиной, было открывшего рот. Где-то в ее густой глубине начали рокотать явно недобрые слова, но почему-то так и не раздались. Оглянувшись на Енота, она только и успела заметить, как тот убрал руку с ножа, висевшего на поясе слева. Сделал это так неуловимо и мягко, что многое сказал без слов даже Белке. Ей-то в руках нож приходилось держать часто, но не так... опасно.

– Пойдем, нам же с тобой надо что-то определенное найти? – Енот не повернул к ней головы, пока мужик с щетиной не скрылся в толпе. Народ на рынке все прибывал.

– Да, пойдем.

Люди вокруг гомонили, ругались, выбирали и торговались. Было из-за чего. Осенние ярмарки крупных городов в последнее время становились все больше. Альянс обеспечивал безопасность своим жителям, давал возможность разви-

ваться фермерам и общим хозяйствам, производству и торговле. По рынку вокруг это наблюдалось лучше некуда.

Ряд, в котором оказались Енот с Белкой, сразу говорил сам за себя. И говорил запахами. Все прилавки вокруг оказались сплошь заваленными копченым, вяленным и соленным мясом, шпиком, колбасами и птицей, окороками. Енот покрутил головой, понюхал, понял, что рядом кто-то выдает конину за говядину, а двое приезжих откуда-то с Камня сейчас купят кошку под видом зайца и вздохнул. Вновь до обидного, особенно памятуя о пропавшем завтраке, захотелось есть.

– Так... – Белка уже выбирала что-то в связках домашних шпикачек, пучком висевших на ближайшем лотке. – Вот это возьму. Енот?

– Что?

– Я тут долго ковыряться буду. Если тебе неинтересно или скучно...

– Где здесь оружие и форма?

Белка улыбнулась:

– Вон там. Я потом пойду за зеленью, найдешь?

– Конечно.

Енот двинулся в указанную сторону. Найти нужный ряд труда не составило. Забытое когда-то ремесло кузнецов сейчас заявило о себе очень серьезно. Стук и лязг раскатывались над небольшой торговой площадью, перекрывая человеческий гул и крики продаваемой скотины. Навскидку в

оружейном ряду работало три кузни. Так и вышло.

Палатки переезжих ковалей стояли рядом, на самом входе в довольно широкий проход. Енот пригнулся, проходя под вывеской. Огляделся.

Невысокий и заросший жёстким белесым волосом кузнец, в плотном синем комбинезоне с закатанными рукавами, звонко отстукивал небольшим молоточком по красной полосе. Металл плевался в сторону окалиной, отзывался на удары своим собственным звуком, на глазах приобретая хищную вытянутую форму. Коваль делал нож, хороший охотничий нож. Стоящий рядом угрюмый траппер в вручную сделанной лохматой маскировочной накидке, только одобрительно кивал головой. Енот потрогал своего друга из стали, спрятанного в ножнах. У него нож не для снятия шкуры, хотя им при желании и побриться можно.

А выбор на рынке Сороки оказался хорош. Город совершенно не зря стал таким известным и богатым. Перекрестье торговых путей, граница с Эмиратом, близкий Камень и тяжёлые города давали о себе знать. Такого обилия оружия, огнестрельного и холодного Еноту доводилось видеть не часто.

Отдельно выделялась просторная брезентовая палатка армейского образца. По щиту с алевшей большой звездой, стоявшему рядом, сразу становилось ясно – кто и что там. У входа стояли трое серьезных парней, экипированных в заводской камуфляж и разгрузочные жилеты. Рядом с переносной кузницей и горном смотрелись они дико, но за по-

следние лет пять эта картина стала привычной. Вооружились охранники стандартно для своей профессии: автоматы Ижевского завода, с дорогим обвесом на планках, девятимиллиметровыми «Беркутами» в кобурах у пояса. Смотреть им есть за чем, хотя и вряд ли сюда сунется кто из местного воря. Торговая компания оружейного двора Альянса, организация серьезная и доступная не всем даже и при честных сделках. А с пойманным преступником эти оружейники обычно не церемонились.

Делать здесь Еноту было совершенно нечего. Для солдата отставника, начинающего свой путь хэдхантера – слишком дорого. Стандартные образцы бывшего завода ЕИВ, такие, как оставленный в гостинице автомат, продаются и в обычных лавках обычных оружейников. Вовсе не обязательно идти к тем, кто специально едет с заводов. Чистильщика намного больше интересовал арсенал, привезенный смуглым носатым торговцем чуть дальше.

Дальнобойные винтовки и карабины из Эмирата стали пользоваться любовью у небогатых жителей Альянса не так давно. Недорогие, не такие надежные, как местные, даже внешне не очень красивые. Но куда как лучше обычных самоделок, потому и расходились как пирожки в базарный день. Но Енот сам бы что-то подобное не купил. Подгонять к ним не родные детали в случае поломки... ни за что. А вот как раз с их поставками все шло не очень гладко. Да и патроны из Эмирата приходили странновато. Это Енот знал не

понаслышке, помнил по службе еще в Патруле там, дома. Но отказать себе и не посмотреть новинки – просто не смог.

– Уах, дарагой, падхады спрашивай, – торговец радостно улыбнулся блеснувшей на ярком солнце золотой полоской зубов. – Все ест, слюшай, какой хочиш винтовка-шмантовка, толка спрасы, уах!

Енот улыбнулся, но спрашивать не стал. Вместо этого снял короткий карабин на семь патронов в пачке, приложил-ся. Оружие оказалось неожиданно тяжелым, со странно смещенным центром. Ложе из полированного дерева, матерчатый ремень, плавно скользящий затвор, вроде всё при нем, но...

– Харёший выбор, слюшай. – торговец так весь и светился желанием продать такой весь в-а-а-а-х какой харёший карабин. – Не пажалееш.

– Нет, спасибо. – Енот положил ствол, двинувшись дальше по ряду. Не сказать, что ему действительно что-то нужно, но присмотреться стоит. Мало ли, вдруг попадетя чего интересное?

– Па-а-а-б-е-е-е-р-е-е-г-и-и-с-ь! – Откуда-то со стороны раздался истошный вопль, грохот и лязг. Енот только покачал головой, разглядывая бардак, сотворенный каким-то ушлым фермером.

Дядька, надо полагать, зажиточный скорняк, не иначе. Во всяком случае, робомулы, две штуки, тянущие повозку, выглядели очень неплохо. Механические животные бодро втя-

нули весьма тяжелую с виду телегу, затянутую стареньким тентом, но по дороге зацепили несколько палаток, создав сумасшедший переполох. То ли сам владелец кожаного скарба, сейчас разлетевшегося с повозки, не рассчитал поворота, то ли робомулы все-таки давно не были у специалиста. Механика механикой, а вот платы – не каждому умельцу по зубам.

Орали владельцы перевернутого товара, орал хозяин телеги, мулы молчали. Зеваки и народ, шатающийся по рынку, без дела толпились и тоже добавляли шума. Енот хмыкнул, разворачиваясь и собираясь вернуться за Белкой.

– Ну и хтой-то это у нас тут? – давешний босяк, чуть было не снесший Белку, прятался за угрюмым мужиком в добротном, пусть и поношенном кителе, сейчас говорившем. – Этот, чтоль?

– Энтот, точна. С мандой рыжей, дочкой Ежа, приперся.

Енот наклонил голову, рассматривая неожиданно возникшую проблему. Всего проблем оказалось пятеро, включая того самого жалобщика-забуддыгу. Опасения вызывал вертлявый типок в кожанке, чересчур дорогой для него и тот, кто заговорил первым.

Ведущий в шайке, а больше его никем Енот и не считал, выглядел серьезнее всех своих шестерок. Немолодой, со шрамами, наверняка полученными в бою. Щека в неровной рваной паутине осколочного ранения, над бровями и в них самих белые на темной коже рассечения, полученных во время тренировок. Ведет себя как туповатое быдло, умеющее

только с размаху в ухо дать, а вот ноги поставлены грамотно, сразу уйдет в сторону, если что. На широкой портупее ручной работы – кобура с торчавшей из нее инкрустированной костью рукоятью револьвера на восемь патронов. С другой стороны – нож не нож, а скорее широкий кинжал. Он сразу говорил про хозяина многое... тому, кто знал – куда и на что смотреть.

Мужик служил в егерских частях, воевавших на южных границ Альянса, тогда еще независимых. Лет десять назад, в заварушке с потомками бывших противников Империи, оставшихся там на базах. Война, как знал Енот, там велась постоянно. И вот эти штык-ножи появлялись с той стороны. Входящие в экипировку частей, очень схожих по выполняемым задачам с егерями. И брались они как трофей. Любой, желающий похвастаться таким клинком, купленным по случаю (а такое случалось редко), всегда мог в какой-то момент столкнуться с таким вот угрюмым бородачом. И после простенького вопроса: а и хде ты, мил человек, ножичек-то взял – получить несколько сантиметров стали в горло. Или под ребра, тут уж как выйдет. В общем, дядька и выглядел и, наверняка, был весьма опасен.

– Угу, чегой-то тут вообще? – «Егерь» усмехнулся. Также оценивающе осматривал Енота, совершенно плюя на его мысли по этому поводу. – Слышь, земля, дело до тебя есть. Обсудим?

– Чего не обсудить-то? – чистильщик пожал плечами. –

Излагай.

– Отойдем? – Влез в дело вертлявый «кожаный». Еноту очень не понравился блеск глаз этого доходяги. «Кожаный» точно сидел на чем-то серьезном, отсюда и дергания, и нервозность. Как бы между делом из рукава куртки выглянул ствол небольшого «браунинга» самоделки. «Егерь» явно предполагал такой вариант, но не успел среагировать. Енот сработал раньше.

Енота учили хорошо. Увидел ствол или нож – не трать времени на разговоры. Бей. И он, вроде бы, учился хорошо.

Вогнал кадык в горло «кожаному», одновременно уходя с линии выстрела. «Егерь» ударил неуловимо быстрым выпадом мгновенно выхваченного мессера. Сталь пришлось по внешней стороне подставленного предплечья, скрежетнула по кости, уходя в бок. Оставшиеся трое только начали двигаться, когда гроыхнул пистолет Енота.

Главарь банды что-то понял перед смертью. Блеснул в глазах какой-то миг узнавания, но поздновато. Приемам обращения с личным оружием чистильщиков учили жестко и долго. Револьвер «егеря» только появился из расстегнутой кобуры... Чистильщик оказался куда быстрее. Оружие скакнуло в ладонь Енота, палец выбрал спуск мгновенно. Вокруг заорали, началась свалка. Уйти он не успел. Да и не стоило, слишком много свидетелей видели бойню.

Наряд подоспел скоро. Белка, вернувшаяся то ли из любопытства, то ли что-то почуяв, уже стояла рядом с Енотом.

Косилась со страхом на пять остывающих тел. Он ее понимал, и почему-то стало стыдно. Слишком велика оказалась разница между доброй, веселой и домашней девушкой и им самим. Тем, кем стал за два года, с момента первого показа Кэпом своих блестящих ботинок у стен городка шахтеров. И в чем-то Енот понимал Белку. Но сейчас стало не до нее.

– Кто такой? – рыкнул сержант, ровесник Енота, с бляхой старшего наряда.

– Енот.

– Умный что ли? – Сержант рыкнул еще страшнее. На его взгляд, наверное. Пока ему точно не удалось перебить даже ужасного гнева господина старшего офицера Тундры при обнаружении нескольких грязных ложек на кухне отряда.

– Не тупой. Сержант, а в чем дело? Пятеро решили со мной разобраться. Вон пистолет, вон нож. Напали первыми, что не так?

– А ты борзый, как я посмотрю. Берите его, парни.

Парни взяли. Енот дергаться не стал, посмотрел только на Белку, вопросительно поднял брови. Девушка не подкачала, сразу порскнув в сторону дома. Вопрос был только в том, сколько ему теперь ждать Бирюка и вернут ли назад оружие?

Камера оказалась одиночной. Толстые стены из кирпича, нары в углу и даже параша. Прямо королевские апартаменты какие-то. Енот лег на струганные доски, закинул руки за голову. За чистотой следили, от дерюги под спиной шел ед-

кий запах какого-то химиката. Перед тем как лечь, как смог, проверил нары на вшей. Ни их самих, ни яиц не обнаружил, порадовавшись наличию этого вот тюфяка. Лежать, возможно, предстоит долго.

Интересно началась жизнь вне отряда, ничего не скажешь. Что на все это сделает Бирюк? Станет вытаскивать незадачливого «подмастерья», так-то заявившего о себе? С другой стороны, Енот явно помог их поездке. Слава-то все равно пойдет, вот мол, какие парни у Бирюка в учениках ходят. Волновало в поступке только одно: не слишком ли он четко и чисто все сделал? Вроде как обычный отставной пехотинец, и на тебе... М-да, промашечка вышла, ничего не скажешь.

Поесть ему не приносили, но и внимания не обращали. Хорошо, что обработали порез на руке. К удивлению Енота, тут же вкатили под лопатку прививку от столбняка. Сервис, честное слово, цивилизация, больше никак и не скажешь. Как понял Енот, народа в кутузке хватало, патрульные в Сороче работали четко. Какой-то парняга, скорее всего из кочевых, тянул монотонную песню, не обращая внимания на вопли соседей и не совсем вежливые просьбы заткнуться. Скучно, темно, что делать? Енот подумал и заснул...

Ветер гнал сухую красную пыль. И песок. Песка здесь хватало. Ветер довольно игрался и с тем и с другим. Хотя песок сейчас оказался сподручнее. Ветер нашел новую игрушку. Череп шерсторога, выпукло белеющий лбом, темнеющий

тремя провалами глазниц, ветру хотелось отполировать до блеска самого настоящего бильярдного шара. Шары для игры джентльменов, как известно, делают из слоновой кости. Чем хуже кость шерсторога?

– Дюффрэ? – Тень Равицки упала на череп. – Ты что-то нашел?

Он не ответил. Поводил сломанным прутиком рядом с очень интересным отпечатком. Хмыкнул, поняв, что в этой дрянной истории неясного куда больше, чем на поверхности. И подавил желание плюнуть прямо на чертов череп. Чертов череп с чертовой гексограммой прямо на лбу. Засохшей и ставшей бурой. Но он бы побился об заклад, что сперва она адела. Потому как кровь на нее пошла артериальная.

Равицки заметно выражала свое недовольство. Попины-вала порыжевшим носком сапога камешки, дымилла сигаретой и сопела. Последнее в такие минуты она делала особенно хорошо, сразу давая понять: Дюффрэ, ты в очередной раз достал целого помощника прево. И не просто помощника, а саму Равицки, приехавшую из самого Вегаса в эту чертову хренову дыру. Господь свидетель, что сам Дюффрэ такого и в мыслях не держал. То есть – чтобы ее доставать.

Жарило. С самого утра, с его первой чашки кофе и первой забитой трубки. Пот уже даже не катился по спине, лицу или груди. Дюффрэ ощущал его клейкой пленкой, растянутой по всему его крупному телу и совершенно не желавшей высыхать. Светло-зеленая саржевая рубашка издалека каза-

лась черной. Замшевые туфли, плюнь на них, зашипели бы. Солнце явно старалось выжечь ненавистную землю и ее копошащихся обитателей за накопившиеся грехи пред Господом Богом. Чем еще можно объяснить чертово пекло?

– Дюффрэ, засранец... – простонала Равицки. – Ты перестанешь молчать, чертов сукин сын.

Он вздохнул, привычно поразившись ее привычке к богохульству и ругани. Учитывая крохотные серебряные распятия в уголках воротника – она явно пренебрегала многим. Терпением и изучением Писания уж точно.

– Выдержки бы тебе больше, Агнешка... – Дюффрэ встал, отряхивая штанины от песка, – Ты ведь хорошая и умная женщина. Но ждать не умеешь... или не хочешь. Порывистая и взрывная.

– Мой друг, если ты помнишь, полька. А это, между прочим, говорит о многом. Я тебе не какая-то там вялокровная корова из твоей родной *derevni*.

– Что? – Дюффрэ заинтересовался новым словом. – Это по-польски или по-русски?

– Какая тебе разница?

– Никакой. Хорошо, начинай записывать, Агнетта.

Равицки открыла кожаную тетрадь, послунявила карандаш. Дюффрэ почесал подбородок и начал диктовать:

– Девушка...

«Несомненно, – подумалось Огюсту Дюффрэ, – что стоило говорить «была девушкой». До того момента, пока не

умерла. Спасибо Господу Богу, здесь у нас не Вегас. Это там, чтобы понять пол жертвы, одетой в платье, порой надо задираТЬ подол. Джексонвилль все же лучше в этом плане»

– Белая.

«Странно, если бы она оказалась цветной. Заезжих джимми-африканцев в Анклаве линчевали сразу, а своих перебили практически всех и давно. Практически. Краснокожие скво после резни у Эль-Пасо сюда не суются. Ну, тоже практически. Китайцев в городе единицы, и те мужчины. Мулатки, метиски, самбо и квартеронки не в счет. Не говоря про мексикашек»

– Возраст тринадцать-четырнадцать лет, не старше.

«А выглядит на все восемнадцать даже сейчас. Краски на личике чуть ли не с три унции, если не больше. Волосы завивали и красили красным, платье дорогое, привозное. Что это означает, Агнешка, ну? Ладно, сам себе отвечу»

– Род занятий... проституция.

«Ни одна из дочек местных воротил не позволит себе пойти в таком виде куда угодно. Ни одна не забудет одеть нижнее белье. Ни одна не додумается оказаться на улицах настолько поздно, чтобы полностью стемнело. Ну и, миз помощник прево, ночные бабочки не должны прятать алую букву на одежде, да-да. Но, вы рассмотрите ее в вышивке на лифе платья? Учитесь, запоминайте»

– Причина смерти: убийство. Преднамеренное...

«Хотелось бы мне, чтобы это оказалась глупая, пусть и

злая, случайность. Чтобы это запекшейся кровью цвёл след от удара ящера-рогача. Чтобы... Не стоит врать самому себе, Дюфррэ, ты все прекрасно понимаешь. Ее ударили зазубренным каменным ножом, вспороли живот и гадали по кишкам, когда она корчилась, умирая»

– Предполагаемые действия маршала, как представителя закона...

«Ну, что ты уставилась на меня, Агнетта? Не знаешь, что буду делать? Все ты знаешь. Буду искать, буду стараться очень сильно искать и найду. А потом тебе придется принимать мой рапорт о сопротивлении и необходимом применении силы. Так и будет»...

– Эй, вставай. – Пинок по нарам заставил шевельнуться и открыть глаза. Стемнело еще сильнее. Из узкого окошка света вниз практически не падало. Енот сел и посмотрел на зверовидного облома, стоявшего рядом. Точно, он его и принимал на постой.

– Пошли, начальство вызывает. – Буркнул здоровяк. В голосе слышалось уважение.

– Пошли, раз вызывает.

Ни шиша себе сон... Енот, пытаясь поймать остатки воспоминаний об увиденном, немного потарачился перед собой, осознавая себя настоящего. Что это, мать его, было?!

Енот встал и двинулся в коридор. Кочевник начал новую песню. Судя по реакции публики, разницы в тональности она

не понимала, слов не разбирала и весьма возмущалась. Даже жаль уходить. Послушать переложение деяний героического Мэдмакса в изложении юного акына Еноту показалось интересным. Но на свободу хотелось сильнее.

Интересный запах Енот уловил, уже подходя к кабинету местного начальства. К вони средней паршивости табака, ввезенного из Эмирата, примешивался тонкий аромат вереска, с еле ощутимой полынной горечью. Очень странно.

Начальник каталажки обнаружился на рабочем месте. Стол, накрытый зеленой материей, на ней письменный прибор под «малахит», выглядевший чересчур дорогим, чтобы оказаться настоящим. Чайник, стеклянная сахарница с колотым рафинадом, щипцы для сахара и стакан в серебряном подстаканнике. Дымящая трубка с тем самым привозным зельем, застегнутый на все пуговицы мундир с потускневшей канителью и погонами, ранняя залысина. И глаза, поедом жрущие соседа по столу. А вернее, соседку.

Енот покосился в ту сторону и понял, что пялиться есть на что. Как раз в этот момент та чуть откинулась на спинку стула, расстегнув очередную пуговицу. Чистильщик хмыкнул про себя, вспоминая, сколько раз Файри таким вот макаром добивалась многого. А тут достигнуть желаемого у хозяйки гладкокожего округлого богатства явно вышло проще. Даже появилось желание, если выйдет быстро, найти и поинтересоваться у владелицы красивых глаз, тонкого лисьего профиля и глубин расстегнутой кружевной сорочки – какой

размер?

– А вот и ученик... – голос у незнакомки оказался чуть хрипловатым, какой появляется от долгого курения. – Ну, так что, господин Масляный, выпустите юношу? Мы же, как мне кажется, все решили?

– Хм... э-э-э... кгхм... – Масляный прокашлялся. – Да-да, госпожа...э... конечно. Буду ли иметь счастье видеть вас как-нибудь еще?

– Все возможно. – Так и не названная госпожа встала, потряхнув длинными волосами пшеничного цвета. Взяла широкополую шляпу, лежавшую на столе. – Тогда мы пойдем, а по поводу нашей встречи... вы же понимаете, я девушка занятая, работа у меня сложная и непредсказуемая. Сегодня здесь, завтра там, но обещаю, как только представится, так сразу... Вы меня слышали?

И наклонилась поправить фигурно вырезанное сверху голенище сапога, мягко качнув округлым в еще больше раскрывшейся сорочке. Масляный судорожно проглотил слюну, но ничего больше не сказал.

– Минутку, – светловолосая внимательно посмотрела на него. – А вещи? Оружие молодого человека?

– На выходе, все на выходе, м-да...

– Мм-м, вы настоящий мужчина... – Наклонившись через стол прошептала незнакомка. У Енота по спине пробежали несколько очень настойчивых и крупных мурашек. Что-то в ней заставило его занервничать.

Женщина развернулась на каблуках и прошла мимо, мотнув ему головой. Енот двинулся следом, потешаясь над покрасневшим лицом командира каталажки.

Не очень высокая, но немалые скошенные каблуки роста ей прибавляли. Сапоги, к слову, верховые, качественной дорогой работы, явно сшиты хорошим мастером. Брюки, с кожаными шлеями по внутренней стороне, из плотного синего сукна, только подтвердили мысль о любимом средстве передвижения непонятной особы. Белоснежная сорочка с кружевами, накрахмаленными острыми манжетами и воротником, поверх одет то ли жилет, то ли корсаж, со шнуровкой по бокам и крючками, сейчас расстегнутыми впереди. Ну да, учитывая размер груди, вполне обоснованно, подумалось Еноту. Красиво-то оно красиво, но ведь эту красоту и держать как-то надо. А вот что интереснее, так это вооружение блондинистой освободительницы.

Крепления кобур к широкому поясу выполнено из толстой прошитой кожи, но закреплены они также как у Енота, на бедре. Из правой торчала ребристая рукоять многозарядного автоматического новодела, калибра так девятого. Пару раз Енот держал в руках подобный образцы, стоившие никак не меньше трех-четырёх стандартных «бульдогов». Из левой выглядывал чудовищный револьвер. Диаметр ствола на глазок казался где-то двенадцать миллиметров, не меньше. Женщина на глазах становилась все интереснее. Кто она такая, и зачем здесь – такие две главных мысли возникли в

голове Енота.

– Меня зовут Семерка, – светловолосая дождалась, пока Енот заберет у здоровяка капрала свои вещи. – Пошли.

– А меня зовут Енот. Куда идем?

Дверь за спиной хлопнула, закрываясь. Вот и свобода, ночь, и полное непонимание происходящего.

– В гостиницу, куда же еще. Бирюк занят. Попросил помочь и вытащить такого милого юношу, как ты.

– Ты знаешь Бирюка? – Енот поправил ремни сбруи, проверил обойму. Все на месте, включая запасной магазин в кармашке на внутренней стороне бедра.

– Конечно. Мы же с ним компаньоны... сейчас во всяком случае.

– А он ничего не говорил.

– Только утром узнал, малыш. Такое случается в нашем сложном хэдхантеровском деле.

И повернулась, встав под фонарем. Ровного желтого отсвета от горящего масла хватило разглядеть кое-что. На тулье шляпы, не зачерненная, как у Бирюка, поблескивала серебром «адамова голова». Вот так, события закрутились еще сильнее. Енот только хмыкнул.

– Ты про меня не слышал? – Семерка смотрела на него, выставив вперед узкий решительный подбородок.

– Не-а. – он поправил повязку на руке. – Должен был?

– Смешной ты, Енот. – Семерка улыбнулась. – Имя соответствует размеру, юноша. Но это так, к слову, не более.

– Э-э-э...

– Не верю. На вид, господин Енот, вы, несомненно, туповаты. Но почему-то, слово чести, таковым не являетесь. И, знаете, что?

– Пока нет.

– Не корчи из себя дурачка засельщину, Енот. – Семерка улыбнулась. Но на этот раз куда добрее и мягче. – Бирюк никогда не возьмет с собой идиота. Маленькая просьба – не смотри в мой вырез чересчур нагло, не люблю, когда это делают коллеги. Пускай и возможные. Усек, юноша?

– Конечно. – Енот улыбнулся в ответ. – Может, пойдём?

Ночью Сорока мало чем отличалась от родного города чистильщика. Те же масляные фонари через каждые пятьдесят метров, освещавшие куски улицы рядом с собой. Орущие кошки, празднующие свадьбы по угловатым крышам из черепицы, железа и деревянных плашек. Народа на улицах оказалось больше, возможно из-за площади, через которую прошли быстро. Задержались только один раз, когда лисий нос Семерки потянул ее к небольшой повозке. Енот разобрался в причине остановки чуть позже. Обоняние у светловолосой охотницы за людьми оказалось хоть куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.